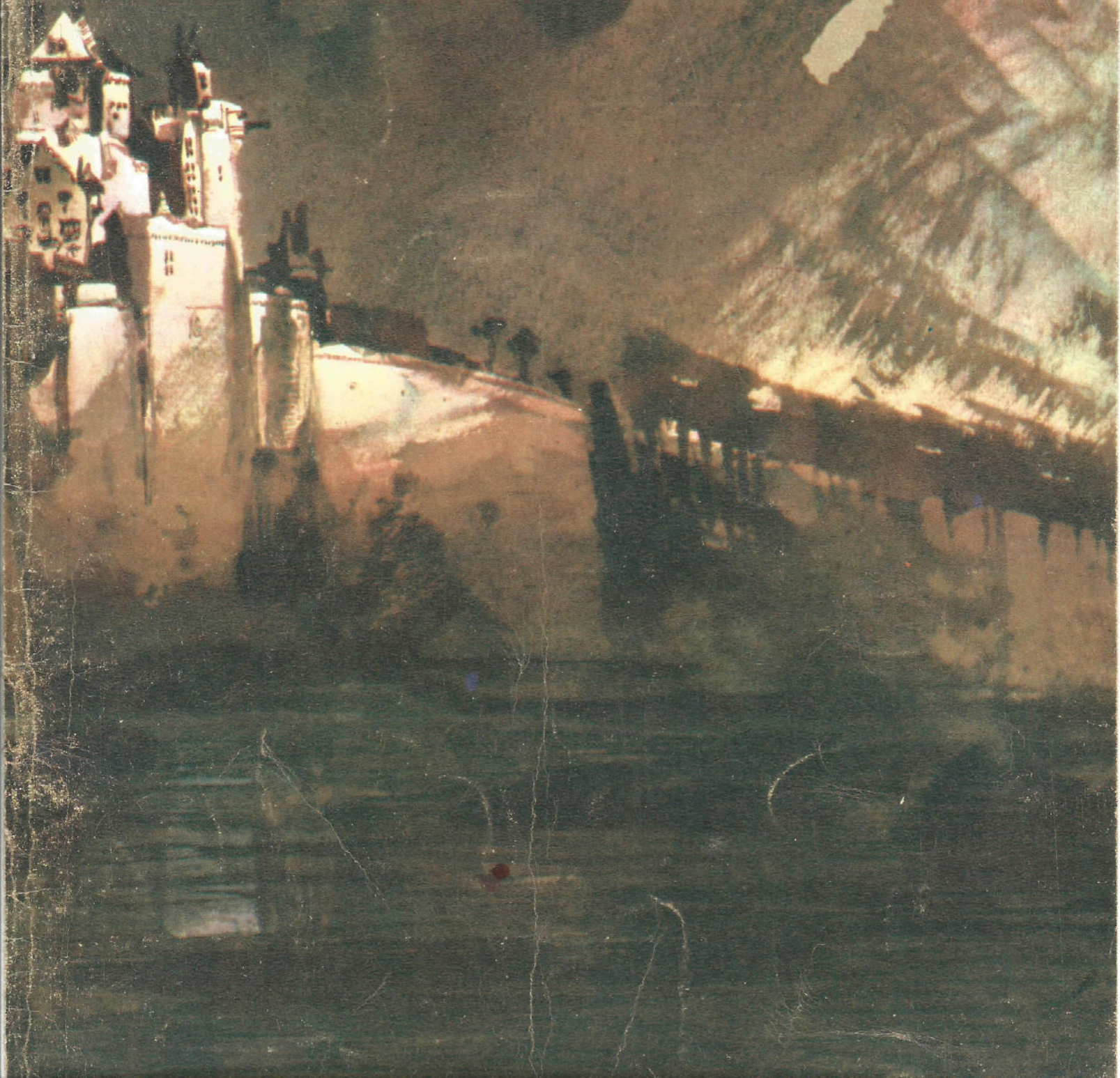

ЮНЕСКО

КУРЬЕР

ДЕКАБРЬ 1985

Восточный фронт

От Главной редакции в Париже

Декабрь 1985

38-й год издания

Сегодня, сто лет спустя после смерти Виктора Гюго, нам кажется, настало время измерить всю глубину этого «человека-океана», взглянуть на него более беспристрастно и осветить всю целостность творческой вселенной этого «Гаргантюа прекрасного», как он с насмешкой называл себя.

Хотя Гюго, по крайней мере во Франции, по-прежнему остается достоянием коллективной памяти, вспоминают о нем все более фрагментарно и поверхностно. Однако необычайное оживление и интерес, проявляемый по поводу столетия со дня его смерти, свидетельствуют о том, что творчество Гюго не утратило своей силы и актуальности. Но, как ни парадоксально, он по-прежнему остается личностью мало изученной и противоречивой.

Размах его творчества, не знающего ни преград, ни границ, скрывает подчас его суть и истинные масштабы. Каждый из нас видит в Гюго отражение того или иного стереотипного, почти легендарного представления о нем. Все эти образы поэта, сложившиеся не без его помощи, отражают отдельные этапы его жизненного пути — буржуазный поэт, вольнолюбивый гуманист времен Третьей республики, вельеречивый мудрец, почтенный старец с лицом фавна.

Однако сегодня воспринимать писателя столь упрощенно уже нельзя. С каждым годом все явственнее проступают контуры огромного «континента Гюго», и мы начинаем постигать то общее, что лежит в его основании. Для Гюго поэзия — это величайшая добродетель и всеобъемлющая правда. Именно эта идея и служит фундаментом стройного здания всего его творчества.

Мы воздаем дань человеку, который стал частицей не только нашего века, но и грядущего, этому борцу против смертной казни, за права угнетенных и обездоленных. Только теперь мы смогли наконец по достоинству оценить и его графическое наследие, разглядев художника в писателе и писателя в художнике.

Но Гюго-поэта нам еще только предстоит открыть. Отбросив в сторону идейные и эстетические предубеждения, мы должны взглянуть на него как на величайшего мастера слова, столь близкого нам. В своих стихах он заставляет звучать «голос теней», высвобождает рождаемые языком подсознательные ассоциации, и в этом смысле он особенно «современен». Virtuозно владея языком своего времени, поэт обретает ту движущую силу, ту пылкую жизнеутверждающую энергию, которая перекидывает мосты между столетиями.

ОБЛОЖКА: «Замок на озере», Виктор Гюго. Тушь, акварель, гуашь, 1857. Photo taken from «Victor Hugo, dessins et lavis», by Jacqueline Lafargue © Editions Hervas, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo, Paris. Мы выражаем нашу признательность г-ну Жану Эрва за любезно предоставленное разрешение воспользоваться негативами цветных фото, опубликованных в его замечательной подборке рисунков Гюго. Все цветные иллюстрации в этом номере, в том числе и обложка, взяты из этой книги.

Стр. 2: «Портрет Виктора Гюго», Виктор Мотте, ок. 1846. Фото © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo.

Стр. 39: «Виктор Гюго», Огюст Роден. Гравюра, 1885. Фото © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo.

Главный редактор Эдуард Глиссан

Спрут с инициалами V. H. Рисунок Виктора Гюго, ок. 1865.

Photo © Bibliothèque Nationale, Paris. Département des Manuscrits

4 Современник вечности

Жан Годон

4—36 Жизнь и творчество Виктора Гюго

1802—1885

Звевлин Блювер

9 Писатель и его время

Виктор Бромберт

15 Разграбление Летнего дворца

Виктор Гюго

16 Африканские премьеры

Жак Тэфани

23 В зеркале сердца

Рене Шар

24 Символ справедливости

Произведения Виктора Гюго в Китае

Ли Майин

27 Жан Вальжан мировой литературы

Евгений Евтушенко

30 Живое присутствие поэта

Хосе де Соуса Родригес

33 В гостях у Гюго

Рубен Дарио

37 Карамба!

Северо Сардуи

Публикуется ежемесячно на 32 языках ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж, 75700, Плас Фонтенуа, 7

Русском
Английском
Французском
Испанском
Немецком
Арабском
Японском
Итальянском
Хинди
Тамили

Иврите
Персидском
Голландском
Португальском
Турецком
Урду
Каталанском
Малайзийском
Корейском
Суахили

Македонском
Хорватско-сербском
Словенском
Сербско-хорватском
Китайском
Болгарском
Греческом
Сингальском

Финском
Шведском
Баскском
Тайском

Шрифтом Брайля ежеквартально публикуется подборка статей на английском, французском, испанском и корейском языках.

ISSN 0304—3150

Современник

Вечности

Жан Годон

Сегодня, когда понятие «современность», воспринимавшееся в XIX в. как вызов классицизму, во многом утратило свою критическую окраску, по-видимому, можно воздержаться от псевдонаучного теоретизирования, которое зачастую ведет лишь к экзальтации и камуфлирует очевидные противоречия. Бодлер, прославившийся современнейшим из поэтов, вывел следующий парадокс: по его словам, быть современным — значит «культивировать переходные, сиюминутные элементы», дабы не окупиться «в бездну абстрактной и непостижимой красоты». Решив определить понятие современности на примере изучения творчества художника, Бодлер избирает объектом своего исследования модного акварелиста Константана Гиса и рассматривает его работы с точки зрения их тематики или, если взять несколько устаревший термин, с точки зрения сюжета.

Но какое отношение все это имеет к Гюго? В своих теоретических исследованиях он всегда избегал тематического разбора, как бы предвосхищая эту дилемму. Я не знаю, размышлял ли

Гюго над стихами Шенье с его концепцией чисто декоративной поэзии: «Пусть мысли новые родят античный стих». По-моему, он просто не мог пройти мимо них. Именно об этой абсурдной позиции и думал он, когда в 1833 г. со страниц «L'Europe littéraire» говорил: «Идея — это не более чем форма, ее выражающая»; и далее: «Да и любое искусство, если оно хочет выжить, должно решать вопросы формы, языка и стиля при любых обстоятельствах».

Право говорить все до конца — и в стихах и в прозе, — которое одно только и было в понимании Гюго истинной современностью, неотделимо от формы. Поэт лишь тогда может стать певцом своего времени, когда в совершенстве овладеет своим инструментом. В данном случае это — язык XIX века, о котором Гюго говорил, что он «создан, чтобы выражать любые хитросплетения мысли», и который он в то же время готов был считать плодом этих «хитросплетений», этих идей, являющихся, по его словам, «истинными и главными создателями языка». Итак, поэт неиз-

бежно оказывается в центре тесно связанных между собой философских, лингвистических и литературных течений.

Мысль о существовании взаимосвязи между революцией в литературе и революцией в политике родилась у Гюго еще в 1830 г. и объясняется отнюдь не его оппортунизмом. Поймаем поэта на слове. В своем стихотворении «Ответ на обвинение» из сборника «Созерцания» он говорит: «И равенство вернул словам я на земле». Порывая с традицией, для которой язык поэзии — всего лишь один из аспектов в общей классификации функций языка, он провозглашает царство поэзии революционной, не признающей над собой ни власти традиции, ни обычных законов, и оставляет за ней право не только черпать из культурного наследия, но и пускаться в рискованные эксперименты. Поэт снова становится возмутителем спокойствия. Он бросает дерзкий вызов. Обожествляя Слово, он, похоже, лишает поэзию всего святого.

Это сокрушение основ, неразрывно связанное с политическими убеждениями Гюго, особенно ярко проявилось именно в области языка. Клейма Наполеона III и его приспешников, он использовал язык обитателей притонов и трущоб как богатый источник метафор, создавая цельную картину современной ему жизни, мобилизуя все имеющиеся средства, призывая на помощь все многообразие окружающей действительности и впрягая в одну упряжку реальность и мечту. Эти лексические вольности позволяли поэту возмутительным тоном говорить о возмутительных вещах. Поэзия «Возмездия» исполнена необычной волнующей

Жизнь и творчество

Эвелин Блюер

1802. 26 февраля в Безансоне у генерала французской армии Леопольда Сижисбера Гюго и Софи Требуше родился третий сын — Виктор Мари Гюго. Его старшим братьям Авелю и Эжену было в ту пору соответственно четыре и два года.

1803—1814. Детские годы будущего писателя прошли в Париже, если не считать кратковременного пребывания на острове Эльба, в Неаполе и Мадриде, где служил его отец. Учиться он начал летом 1804 г. В 1809 г. его учителем стал лишенный духовного сана священник Ла-Ривьер. В 1811 г. во время девятимесячного пребывания в Мадриде мальчик занимался в колледже для молодых дворян (Сан-Антонио). Тем временем и без того натянутые отношения

Дом в Безансоне, главном городе провинции Франш-Конте на востоке Франции, где родился Виктор Гюго.

между родителями резко ухудшились, что привело в итоге к расторжению брака.

1815. Гюго помещен в пансион. Здесь он начал писать «Cahier de vers français».

1816. По-прежнему живет в пансионе, но учится уже в Лицее Людовика Великого. Делает первые попытки перевода Вергилия и пишет трагедию в пяти актах под названием «Иртамена».

1817. В 15 лет Гюго участвует в проводимом Французской академией поэтическом конкурсе на тему «О радости познания во всех сферах жизни». Он не стал победителем, но был удостоен похвального отзыва в отчете секретаря Академии. Написаны комедия «A quel que chose hasard est bon» и два акта трагедии «Ателия, или Скандинавия». У брата Гюго, Эжена, появляются первые признаки душевного заболевания.

Photo © Bulloz, Paris. Bibliothèque Nationale

«Глаз планет», Виктор Гюго. Тушь и карандаш. Этот рисунок воскрешает в памяти строки из написанного в то же время (ок. 1854) стихотворения «Les Mages» («Волхвы»):

«Глаз звезды средь бела дня,
Глаз чудовища в ночи».

Photo © Bibliothèque Nationale, Paris. Département des Manuscrits

силы и действенности, казавшихся недостижимыми приверженцам традиционных эстетических и политических взглядов.

Но беспредельное погружение в настоящее для поэзии не самоцель. Для Гюго оно обретает смысл лишь как средство реализации другого, во всех отношениях более высокого замысла, оставляющего место для всей истории человечества в ее взаимосвязи с предысторией и мечтами о будущем. Эпическая форма, традиционно имевшая два смысла — прямой и переносный, — превращавшая историю в миф, а миф в историю, служила той же цели, что и анализирующая работа разума, постоянно сталкивающегося с нереальностью такого анализа. «Легенда веков», «Бог», «Конец Сатаны» — в этих трех незаконченных произведениях строгость формы постоянно борется с соблазном абстракционизма. Их незавершенность символична. Это не следы поражения, а еще не осознанная самим поэтом программа.

В «Ответе на обвинение» поэт-революционер взывает к народу, «наступив ногою на Аристотеля». Я не берусь судить, хорошо ли Гюго знал «Риторику», но ведь, чтобы понять, что аристотелевская доктрина целиком основана на

Виктора Гюго 1802-1885

1818. Гюго оканчивает Лицей, покидает пансион, переселяется к матери и работает над первым вариантом романа «Бюг-Жаргаль», романтического рассказа о восстании черного населения острова Эспаньола. Главный герой — раб, предводитель восстания, спасает жизнь своему белому покровителю, которого называет «братом», и жертвует своей жизнью ради спасения десяти черных заложников. Это был первый созданный Гюго образ героя, посвятившего себя служению народу.

1819. Начинающий писатель получает две премии Литературной академии в Тулузе. Вместе с братьями начинает издавать журнал «Литературный консерватор». При его участии было выпущено 30 номеров этого издания. Выходит отдельной книгой ода «Участь Вандела». Эта первая публикация Гюго вызвала резкие нападки критики. Вообще все произведения писателя вызывали либо

В 1820 г. Гюго встретился с Шатобрианом, после чего, как говорят, знаменитый французский писатель и дипломат назвал его «прелестное дитя». На этом рисунке (1819) Эжен Лежениссель сумел запечатлеть рано проявившийся гений молодого поэта.

яростные споры, либо всеобщий восторг.

1820. Гюго тайно ведет переписку с другом детства Аделью Фуше, против которой была настроена его мать. Убийство племянника и предполагаемого наследника Людовика XVIII вдохновило Гюго на оду «На смерть герцога Беррийского». Когда она была издана отдельной книгой, король в знак признательности пожаловал поэту ex-gratia 500 франков. В нескольких номерах «Литературного консерватора» печатается «Бюг-Жаргаль».

1821. Гюго собирает материал для романа «Ган Исландец». Выходит отдель-

Photo © Musées de la Ville de Paris, SPADÉM, 1985

ной книгой ода «Крещение герцога Бордосского», посвященная сыну герцога Беррийского, прозванному «рожденным чудом дитя». После длительной болезни скончалась мать писателя Софи Требюше.

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1822. Выходит первый поэтический сборник Гюго «Оды и разные стихи». Король назначает ему денежное содержание в размере 1000 франков, что позволяет ему 12 октября вступить в брак с Аделью Фуше. Неожиданно обостряется душевная болезнь Эжена Гюго. «Инес де Кастро», мелодрама в трех актах, написанная, вероятно всего, в 1819—1820 гг., принята театром «Ranogata Dramatique». Однако пьеса так и не была поставлена.

1823. Выходит в свет «Ган Исландец» — роман, в котором любовная линия развивается на фоне драматических событий, связанных с восстанием рудокопов. Светлая тема романа — отцовская любовь главного героя. Эжен Гюго окончательно теряет рассудок, и его приходится поместить в лечебницу для душевнобольных. Министерство внутренних дел назначает Гюго содержание в 2000 франков. В июле у Адели родился сын, которого нарекли Леопольдом-Виктором. Через три месяца ребенок умер.

1824. В январе журнал «Французская Муза» публикует оду «La Bande noire», в которой Гюго поднимает голос в защиту древних исторических памятников Франции, которым грозит разрушение. Эта ода, вновь опубликованная в марте в новом поэтическом сборнике, свидетельствует о появлении еще одного любителя древностей. В этом же году родилась первая дочь Гюго — Леопольдина.

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

Портрет, а возможно, и автопортрет Адели Фуше (ок. 1820). В 1822 г. она стала женой Гюго.

«Дух шторма, явившийся Жильяту». Этот рисунок тушью, выполненный и подписанный Гюго, навеян событиями, описанными в романе «Труженики моря»

(1866). Он сделан на одной из страниц рукописи романа. Первоначально Гюго хотел назвать свой роман «Моряк Жильяту» по имени главного героя.

количественных показателей, необязательно досконально знать его труды. Речь оратора, а тем более поэта тем и отличается от общих рассуждений, что в ней все соразмерно. Здесь на каждый плюс найдется минус. Гюго, с его стремлением сказать все, плохо вписывался во все эти мерки и ограничения. Внутренняя связь между «формой» и «сутью» требовала не приспособления или приобщения к доктрине, которой подчинена вся поэзия французского неоклассицизма, а создания такой риторики, которая позволила бы выразить неизмеримое. Еще в 1834 г., говоря о Мирабо, Гюго в общих чертах набросал теорию «неупорядоченной поэзии», не имеющую ничего общего с «поэтическим беспорядком» Буало. Кстати сказать, Аристотель был сражен его же оружием, ведь именно мимесис заставил Гюго отказаться от его основных постулатов: «Помимо нашего желания, во всем, что написано здесь единственно с целью отметить сверхъестественную выразительность этого человека [Мирабо], нам помогала сама неясность образов».

Слово «образы» удачно акцентирует внимание на одном из ключевых понятий поэтической революции, хотя в данном случае речь идет о прозе. Образ перестает быть всего лишь одним из стилистических приемов, которым Аристотель советует пользоваться осторожно. Он превращается в главное средство выражения поэтической мысли, будь то в «Отверженных» или в «Созерцаниях». Но Гюго вовсе не сводит свою риторику к ассоциативным картинкам. В свете метафор и красноречивых символов ярче вырисовывается единство вселенной, требующее, по мысли поэта, новых образов, которые должны звучать нескончаемой увертюрой к пространственному и духовному развитию этого бренного мира. Риторическая форма бесконечности воспринималась им как постоянное умножение (в отличие от перечисления, которое предполагает конечный ряд величин). И нагромождение «стены веков», и этапы движения к абсолюту до предела наполняют фразу, заставляют ее ломать привычные нормы, буквально взрывают ее.

В перспективе *мимесиса* бесконечно движения к недостижимой истине стирается различие между стихом и прозой. Во-первых, сама проза может быть поэтична, а во-вторых, поэтические категории перестают относиться к какой-либо одной речевой форме. И хотя Гюго не чужд «высокой поэзии» и порой бросается в стремительную атаку, пуская в ход незабываемые клаузулы, аллитерации и самые смелые рифмы, «поэтичность» редко превращается у него в самоцель, и «Спящий Вооз», этот прекраснейший образец поэтического искусства, остается в его творчестве исключением. Прозаизм — вовсе не результат рассеянности или бессилия, он один из основных элементов поэтической стратегии. Для Гюго, как и для Бодлера, которого вопреки здравому смыслу пытаются представить этаким верховным жрецом «чистой поэзии», поэтическая речь не бесконечная песнь и не узор из драгоценных камней, а след сменяющих друг друга взлетов и падений, поиск синтаксических и ритмических форм, живое биение сердца. Стих — это не единство должным образом соединенных элементов, а вектор движения поэтического потока, неразрывно связанного со всей совокупностью явлений, его породивших.

Можно ли утверждать, что риторика Гюго дублирует, «сама того не желая», логику противников Аристотеля? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на той роли, которая отводится в поэзии тому, что мы называем антитезой. Из нее сделали какой-то «позорный столб», совершенно забыв, что большинство противоположностей в строгом смысле вовсе не являются традиционной антитезой, чья задача — противопоставить, разделить, классифицировать; это, скорее, явные или завуалированные оксюмороны — образы, которые должны объединять и совмещать понятия по логике, а иногда и по самой природе своей противоположные. «Равно знакомы нам и свет и темнота», — говорит поэт в «Путешествии в ночи» («Созерцания»). Быть может, в этом-то и есть ключ к его поэзии, столь внимательной к «хитросплетениям» мысли. Понимая систему поляризации понятий, свойственную миру антитезы, он наносит сокрушительный удар по ее непререкаемому авторитету, вводя логическую и хронологическую одновременность.

Гюго труден для понимания. Этот виртуоз, этот «примерный ученик» — поэт сложный и сбивающий с толку, часто не укладывающийся в традиционный образ классика западной литературы. Даже если кому-нибудь порой и удастся вновь связать тот или иной элемент его творчества с культурной традицией, то в целом оно остается поистине революционным, объединенным в уникальный монолит.

«И взгляд всевидящего ока на Веч-

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1825. Гюго начинает работу над пьесой о Корнеле, но не завершает ее. Его награждают орденом Почетного легиона «за благородные усилия в поддержку святого дела церкви и монархии». Вместе с Шарлем Нодье и еще двумя друзьями Гюго присутствует в Реймсе на коронации Карла X. Написанная им по этому случаю ода «Sur le Sacre de Charles X» пользовалась таким успехом в официальных кругах, что автору даже возместили расходы на путешествие в Реймс. Летом семейства Гюго и Нодье совершили путешествие в Альпы. По возвращении Гюго написал эссе «Разрушение памятников во Франции», где предложил принять закон об охране памятников старины, которым грозит разрушение или неумелая «реставрация».

1826. Гюго публикует переработанный вариант «Бюг-Жаргалья» и пишет пьесу о Кромвеле. Опубликован сборник «Оды и баллады», в который вошли стихи, написанные в период с июня 1824 по октябрь 1825 г. У Гюго родился сын Шарль.

1827. Гюго возобновляет работу над пьесой «Эми Робсар», наброски к которой он делал еще в 1822 г., и предлагает ее театру «Одеон» как работу своего юного шурина Поля Фуше.

Вместе со скульптором Давидом д'Анже посещает тюрьму Бисетр, где на их глазах заковывают в кандалы осужденных. Эти впечатления пригодились ему в работе над повестью «Последний день приговоренного к смерти» и романом «Отверженные». Завершена и опубликована драма «Кромвель», сопровождаемая известным предисловием. В этом своеобразном литературном манифесте прослеживается многовековой путь развития поэзии; поэт призывает к раскрепощению драмы, освобождению ее от устаревших канонов классицизма. Гюго становится родоначальником «новой школы». Критика того времени, хорошо понимавшая суть поднятых вопросов, усмотрела в пьесе «Кромвель» и в оде «Колонне на Вандомской площади», опубликованной в феврале этого же года, признаки явной перемены политической позиции. Действительно, в 1827 г. Гюго отказался от взглядов, которых придерживался в юности, и, усвоив новые принципы, уже никогда не отступал от них.

Дом на улице Нотр-Дам-де-Шан в Париже, где с 1827 по 1830 г. жил Гюго.

Рисунок Гюго «Легенда веков» (1860). Первое издание сборника стихов под этим названием вышло в 1859 г.

ности останови» — на этой ноте завершаются «Соверзания» (стихотворение «Той, которая осталась во Франции»). В этих словах, обращенных к поэзии, слышится призыв строить фразу по-новому. Здесь «вечность» как бы принадлежит истории и в то же время стоит вне ее; она утверждает поэзию не цели, а пути. Акт творчества превращается в фиксацию непрерывного движения в эту неосознаваемую бесконечность. Пожалуй, в этом-то и состоит «современность». В этом смысле современны и Данте, и Шекспир. В конечном счете это категория оценки скорее литературных феноменов, чем вычурных узоров Константина Гиса. Она поможет нам вновь открыть для себя Виктора Гюго, вернув ему по праву принадлежащее место в «единой семье» гениев.

ЖАН ГОДОН (Франция) — писатель и критик, преподавал французскую литературу в Манчестерском, Лондонском, Йельском и Парижском университетах. Автор многочисленных исследований творчества Виктора Гюго и литературы XIX в., включая «Victor Hugo et le théâtre» (1955, 1985) и «Victor Hugo et le temps de la contemplation» (1969, 1985). Автор нескольких романов и повестей, включая «L'embarras incertain ou le Hollandais» (1976), «D comme Descartes» (1979) и «Une passion en Bavière» (1980).

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1828. Скончался отец поэта — Леопольд-Сижисбер Гюго. Состоялось первое и единственное представление пьесы «Эми Робсар», не имевшей успеха у публики. Поскольку ее автором считали Фуше, Гюго выступил в печати, взяв на себя ответственность за наиболее яростно осужденные сцены. Издан окончательный вариант «Од и баллад», куда вошли стихотворения из первого издания и целый ряд других произведений. Делаются первые наброски будущего романа «Собор Парижской богоматери». Написаны почти все стихи, вошедшие в сборник «Восточные мотивы». У Гюго родился второй сын — Франсуа-Виктор.

1829. В январе выходит сборник «Восточные мотивы». Именно в это время Гюго пишет «Последний день приговоренного к смерти», где впервые выступает с решительным осуждением смертной казни. Завершена и принята к постановке театром «Комеди Франсез» пьеса «Марьон Делорм». Представить ее не удалось: она была запрещена цензурой. В своем письме Ламартину Сент-Бёв сообщает, что «Гюго предлагали любую компенсацию, даже пост в Государственном Совете и административную должность». Ему предложили также значительное увеличение

назначенной королем ренты. Но он гордо отверг все попытки подкупить его и приступил к новой пьесе «Эрнани». В этом же году она была завершена и передана в «Комеди Франсез». Цензор, разрешивший постановку пьесы,

Виктор Гюго в 1829 г. Рисунок близкого друга поэта, художника и гравера Ашиля Девея (1800—1857).

Писатель и его время

Виктор Бромберт

Виктор Гюго всегда гордился тем, что был ровесником века. 1802: «Ce siècle avait deux ans...» («Наш век двухлетним был...»). Каждый французский школьник знает первую строку «Осенних листьев», с которой переключается и концовка сборника, когда поэт говорит о себе: «Je suis fils de ce siècle» («Я сын своего века»). Но не был ли этот сын века скорее его отцом? Стремление Гюго сыграть свою роль на подмостках истории объяснялось не только живым интересом к событиям и судьбам современной ему послереволюционной эпохи, но и рано сформировавшимся убеждением, что истинный писатель — это символ своего времени, его духовное содержание.

Время представлялось воображению Гюго огромными сколами, а каждое столетие — живой осязаемой реальностью. «Легендой веков» назвал он свое эпическое повествование о путешествии человечества по дорогам истории. Для Гюго каждый век был как бы единым целым с одному ему присущим обликом. Исторические личности, напротив, виделись ему лишь воплощением своей эпохи. Прибегая к своему излюбленному приему двойной метафоры, он восторженно восславляет «человека-эпоху» («l'homme siècle»). В своем трактате «Вильям Шекспир» Гюго утверждает, что каждая эпоха концентрируется в какой-нибудь одной личности. Когда такие люди сходят со сцены, завершается целая эпоха. Да и в

романах Гюго найдется немало героев, которые, пусть скромнее, воплощают в себе целое столетие либо олицетворяют чудом уцелевшие обломки былых времен.

Безусловно, эта идея объединения человека и его времени непосредственно связана с оценкой Гюго своей собственной роли как писателя. В Книге жизни, считал он, есть некая путеводная нить, идущая от Данте к Шекспиру, Паскалю, Вольтеру и так вплоть до самой новой эры, возведенной Великой французской революцией. Вот в чем причина столь необычного «само-восхваления» Гюго в трактате «Вильям Шекспир»: здесь его гений противопоставит гению XVI столетия, поэт Франции — поэту Англии, но главное в том, что он, величайший французский писатель послереволюционной эпохи, — певец совершенно нового мира, он — пророк, мечтатель и мыслитель, провидящий наступление небывалой в истории человечества эры.

Если оценивать писателя с этих позиций, становится очевидным, что Гюго видел некую внутреннюю логическую связь между своим литературным творчеством и вообще присутствием в этом мире с происходящими в нем политическими переворотами и социальными изменениями. Поэт считал XIX век эпохой беспрецедентной, отмеченной стремлением к самобытности. Как все гениальное, это утверждение проникнуто одной идеей, идеей Рево-

люции, которая, по словам Гюго, явилась великим переломом в истории человечества, поворотным пунктом в его судьбе. Отныне творчество, историческое становление и гражданский долг, казалось, всегда будут идти рука об руку.

Нет ничего удивительного в том, что, рассуждая таким образом, Гюго видел роль мыслителя или художника не столько в прославлении народа, сколько в его созидании. Вера в возможность с помощью искусства придать конкретную форму этой пока еще размытой, но обладающей потенциальной мощью фигуре простого народа, красной нитью прошла через все его творчество. Похоже, он с юных лет утвердился в мысли, что именно в этом и состоит миссия писателя.

В XIX в. драматург, романист или поэт (а Гюго выступал во всех трех качествах) должен был сам созидать свою аудиторию, что не могло не иметь политического значения. Как утверждал Гюго в трактате «Вильям Шекспир», этом своего рода «исповедании веры» поэта, «толпа превращается в публику, чтобы потом стать народом». Главное предназначение творческой личности — преобразовать толпу и «создать народ». «Народ» — это, без сомнения, один из наиболее идеологически значимых символов века и одно из ключевых слов в словаре Гюго.

Озабоченность глубокими социальными проблемами современника ему обще-

сы, в своих комментариях замечает: «Пусть публика сама убедится, как далеко может зайти в своих заблуждениях человек, не скованный никакими рамками и правилами».

1830. Выходит поэтический сборник «Милостыня» («L'Aumône»). Выручку от его продажи Гюго жертвует нуждающимся рабочим и безработным Нормандии. Он пишет составленное в форме письма предисловие к книге Шарля Довалля, юного поэта, убитого на дуэли. Здесь Гюго определяет романтизм как литературный либерализм: «Свобода в искусстве, свобода в обществе — вот двойная цель, к которой должны стремиться все те, кто мыслит последовательно и логично». 25 февраля состоялась премьера «Эрнани», положившая начало четырехмесячной «битве» между «классиками» и «романтиками» в «Комеди Франсез». В семье Гюго родился четвертый ребенок — дочь Адель. Начинается работа над «Собором Парижской богоматери».

1831. Опубликован «Собор Парижской богоматери». В этом романе о Париже 1482 года Гюго, описывая перипетии жизни юной цыганки, священника-отступника и горбуна с золотым сердцем, превозносит цивилизацию XV в., осуж-

дает пытки и смертную казнь и утверждает определенное представление об облике средневековья. Правительство Луи-Филиппа заказывает Гюго текст гимна Июльской революции. Это произведение, получившее название «Journées de juillet» («Июльские дни»), было положено на музыку Герольдом и прозвучало в исполнении хора на торжественной церемонии, состоявшейся 28 июля в Пантеоне. После Июльской революции, отменившей цензуру, сняв запрет на пьесу «Марьон Делорм». Сначала она была поставлена театром «Порт-Сент-Мартен», а затем опубликована. Вышел в свет поэтический сборник «Осенние листья», написанный Гюго в период с июля 1828 по ноябрь 1831 г. В предисловии к нему Гюго заявляет, что сборник не имеет политической окраски. «Разве от того, что земля дрожит под ногами, искусство не движется вперед?» — спрашивает он.

«Эсмеральда и Квазимодо в башне собора Парижской богоматери», рисунок французского писателя Теофиля Готье (1811—1872). Иллюстрация к роману Гюго «Собор Парижской богоматери».

Photo © Bulloz, Paris. Adolphe Jullien Collection

ства чувствуется во всех произведениях Гюго, даже в тех из них, которые, казалось бы, далеки от политики. В романе «Бюг-Жаргаль», где речь идет о восстании рабов 1791 г., в результате которого образовалась Республика Гаити, слышны отзвуки Французской революции. Яростный натиск повстанцев переключается со взятием Бастилии, и здесь политическая борьба оказывается важнее судеб отдельных людей. Творчество Гюго-романиста неотделимо от истории. Именно политические силы — главные герои его произведений. Самые драматичные эпизоды «Отверженных» проходят на фоне баррикад и уличных боев в начале 1830-х годов, овеянных событиями Июльской революции. Еще более показательно настойчивое напоминание о битве при Ватерлоо, которая была в глазах писателя одновременно и «концом света», и возвращением в прошлое, и зарождением нового — другими словами, одним из основных, хотя и проблематичных переломных моментов в судьбах Европы. Даже в «Тружениках моря», где на

изведениях, непосредственно не переключаясь с событиями политической жизни XIX в., чувствуется неразрывная внутренняя связь с ними. В основе сюжета «Гана Исландца» — восстание рудокопов. Действие «Собора Парижской богоматери», хотя и разворачивается в 1482 г., во многом воспринимается как историческая аллегория и пророческое предвидение событий Великой французской революции. Избрав для своего романа переходную эпоху, Гюго связывал ее в своем сознании с переходным характером первых дней правления Луи-Филиппа. Но хотя появление печатного слова и знаменует в «Соборе Парижской богоматери» конец феодализма (Книга должна заменить Собор), в романе звучит и ностальгия по былому и его ценностям. Этой исторической двойственностью (стремлением к будущему и тоской по прошлому) пронизана ключевая глава произведения под названием «Вот это уйдет то». Политическая неопределенность чувствуется и в «Человеке, который смеется». Здесь тоже речь идет о прошлом

рующую деспотический версальский этикет. Еще до своего изгнания Гюго начал все больше ощущать вдохновляющее воздействие Революции. Уже в 1834 г. в эссе о Мирабо, в котором он создал столь похожий на собственный автопортрет образ человека, «обреченного» быть гением, Гюго воспел солдат Революции, этих провозвестников водворота идей, имя которому — девятнадцатый век. В его речи при избрании во Французскую академию (1841) эта связь Революции с XIX веком проступает еще яснее. Восславив Наполеона как самим провидением ниспосланного сына Революции, способного превратить историю в некое эпическое полотно, он заявил о преданности своей эпохе («Я люблю свое время»), несмотря на все ее перевороты и жестокости.

И все-таки во взгляде Гюго на «великий век» усматривали очевидный парадокс: ведь он пытался объединить две, как тогда считалось, несовместимые области — политику и литературу. То или иное мировоззрение может послужить причиной определенных по-

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1832. Гюго пишет предисловие к пятому изданию «Последнего дня приговоренного к смерти», в котором призывает не только к отмене смертной казни, но и к построению гуманного общества, в котором то зло, на которое ополчались гневом, начнут лечить милосердием. В «Revue des Deux Mondes» Гюго публикует статью «Война против разрушителей», резко критикующую уничтожение памятников старины. Выходит в свет снабженный предисловием окончательный вариант «Собора Парижской богоматери», в который включены три новые главы. Гюго был очевидцем республиканского восстания в Париже, начавшегося 5 июня, после похорон генерала Ламарка. Впоследствии именно эти события легли в основу романа «Отверженные». В этом году он пишет две пьесы «Король забавляется» и «Лукреция Борджа». В конце лета в «Комеди Франсез» начались репетиции первой из них, и 22 ноября состоялась премьера. Но уже 23 ноября пьеса была исключена из репертуара, поскольку правительство усмотрело в словах одного из персонажей непочтительный

намек на мать Луи-Филиппа. Гюго публикует пьесу и подает в суд на «Комеди Франсез». В своем обращении к суду он характеризует запрет пьесы как акт произвола и деспотизма со стороны не очень уверенного в себе правительства. В ожидании решения суда он отказывается от ренты, которую получал с 1823 г. Гюго проиграл процесс.

1833. Начало репетиций пьесы «Лукреция Борджа» в театре «Порт-Сент-Мартен». Гюго влюбляется в 26-летнюю актрису Жюльетту Друэ, исполнительницу роли принцессы Негрони. Премьера состоялась 2 февраля, пьеса имела грандиозный успех. 16 февраля поэта и Жюльетту Друэ связали узы любви, которая не угасала на протяжении пятидесяти лет. В мае журнал «L'Europe littéraire» опубликовал пространное эссе Гюго, в котором он анализирует эволюцию французского языка и излагает свои взгляды на назначение поэта и драматурга в обществе. Написана пьеса «Мария Тюдор». Премьера ее состоялась 6 ноября и вызвала ожесточенные споры. В результате «Мисс Жюльетта» вынуждена была отказаться от роли. Гюго пишет для Луизы Бертен

«Мадмуазель Жюльетта», литография Леона Ноэля. Этот портрет Жюльетты Друэ был сделан в 1832 г., за год до ее встречи с Гюго.

первом плане стоит эпическая картина борьбы человека со стихией, остро ощущается связь с историческими событиями современной автору эпохи. Не случайно капитан Летьери спускает свое судно на воду 14 июля. Революционер в мореплавании, старый шкипер получил прозвище «человек-революция» («l'homme révolution»). Он гордится тем, что вскормлен «молоком» во семьдесят девятого года. В сюжетную ткань романа постоянно вплетаются события, переключаясь с эпохой Реставрации (свержение Виллеля, смерть папы Льва XII), напоминающая, что эта аллегория и ее фантастические персонажи и чудовища рождены историей.

Историческая и политическая окраска романа «Девяносто третий год» не нуждается в комментариях. Название говорит само за себя. Но даже в про-

(об Англии XVII—XVIII вв.), однако действие постоянно переключается с событиями современной автору и его читателю жизни. Поэтому история вечно смеющегося чудовища — жертвы королевского абсолютизма, в жилах которого (хотя он сам того не знает) течет кровь дворянина, воспринимается как символ конца господства аристократов.

В хвалебный гимн XIX веку вплетаются и отходящие в прошлое события и образы. В «Отверженных» Гюго назвал его «великим веком» (выражение довольно двусмысленное, поскольку это словосочетание во Франции традиционно связывается с эпохой правления Людовика XIV), а зарю новых идеалов сравнил с «утренним выходом короля», создав ироническую картину, одновременно напоминающую и дискредити-

литических действий (хороших или плохих), и в этом смысле литературу следует считать одной из форм политической борьбы. Слово писателя и его мысль уже заключают в себе действие и могут стать самостоятельной силой. Конкретные политические действия нередко идут вразрез с общими теоретическими рассуждениями. Однако в ключевой части книги «Рейн» Гюго приписывает величие новой Франции заслугам ее «литературного духовенства». Литература становится для него не только общественной силой, но и властью над духом.

По сути дела, Гюго создал свое собственное революционное мировоззрение. Из событий и чаяний Великой французской революции сложились строки новой истории дерзаний человеческого духа и созидательной работы разума.

Герой должен уступить место гению, перу суждено победить меч. Мысль — вот истинная сила. В «Отверженных» разгром при Ватерлоо влечет за собой важные перемены в развитии духа и мысли. Время «рубак» прошло, им на смену приходят мыслители. «Вильям Шекспир», эта хвалебная песнь гению, его природе и судьбе, возвещает конец эпохи героев-воинов. На сцену истории вступают титаны. Противопоставление пера и меча, война и поэта имело особое значение для сына генерала наполеоновской армии.

Именно парадоксальность оценки Гюго «великого века» помогает понять определяющее значение битвы при Ватерлоо в «Отверженных». Да и само композиционное решение романа явно связывает возвращение к жизни и утверждение Вальжана с закатом императора. Даже название «Монтенотт» (как бы объединяющее образы восхода и тьмы — monte/notte), в битве при котором Бонапарт одержал одну из своих первых побед, в романе совпадающую по времени со вступлением Вальжана

Photo © Musées de la Ville de Paris — SPADÉM, 1985

Photo © Roger Viollet, Paris

Отец и мать поэта. Генерал Леопольд Гюго (1773—1823), рисунок Виктора Гюго. Софи Гюго (1772—1821), урожденная Третьяковская, рисунок Ашиля Девея.

либретто оперы по мотивам «Собора Парижской богоматери». «L'Europe littéraire» публикует его очерк о юном поэте Имбере Галлуа, умершем от душевной депрессии и голода.

1834. В качестве предисловия к «Мемуарам о Мирабо» Гюго публикует очерк о Мирабо. В марте он издает «Littérature et Philosophie mêlées» — сборник статей, очерков и фрагментов прозаических произведений, относящихся к различным периодам его жизни. Он пишет повесть «Клод Ге», в основу которой положен подлинный случай из жизни рабочего, брошенного в тюрьму за кражу ковриги хлеба. Клод Ге восстает против тюремных порядков и убивает надзирателя. В этом произведении Гюго наряду с яростным протестом против нищеты и существующей системы наказаний выступает с призывом ко всеобщей грамотности и образованию. По мнению Гюго, именно просвещение может разорвать порочный круг преступлений и наказаний. Жюльетта Друэ покидает Париж и переселяется к своей сестре в Бретань. Гюго едет вслед за ней. На обратном пути в столицу они останавливаются в

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

разных местах, где Гюго делает наброски с памятников архитектуры, зарисовки картин природы. В Милане состоялась премьера оперы Доницетти «Лукреция Борджиа» по мотивам пьесы Гюго.

1835. Гюго становится одним из основателей Комитета по охране «подлинных памятников литературы, философии, науки и искусства, оставивших след во всеобщей истории Франции». В последующие годы Гюго неоднократно выступал с заявлениями перед членами Комитета. Опубликована и поставлена в «Комеди Франсез» пьеса «Анджело, тиран Падуанский». В конце июля Гюго с Жюльеттой уезжают на месяц в Нормандию. На обратном пути они проводят месяц в Бьеврской долине. В октябре выходит новый сборник стихов — «Песни сумерек».

Клод Ге, герой одноименного романа Гюго. Рисунок французского графика, уроженца Швейцарии Теофиля Александра Стейнлена (1859—1923).

на круги тюремного ада, звучит как своего рода символ. Победа и поражение воспринимаются в диалектическом единстве. Ватерлоо становится стержнем, поворотным пунктом романа.

Итак, сама история порой выглядит парадоксальной и двусмысленной. Периоды политической реакции, подобные Реставрации Бурбонов в 1815 г., служат отступлениями от основного повествования, однако именно во время этих перерывов нива истории как бы набирается сил под паром. Великая французская революция, дело которой так и не было завершено, уже стала достоянием прошлого. Личный опыт Гюго как зеркало отражает опыт всего революционного движения, веками которого стали 1789, 1830, 1848 и 1870 гг. В отраженном этим двойным стеклом свете будущего и прошлого

становится понятно, почему, рассуждая о революции, Гюго, с одной стороны, устремлен в грядущее, а с другой — ищет ее глубинные истоки. Стремление вскрыть генезис явления особенно ярко отразилось в трактате «Вильям Шекспир», где Великая французская революция названа духовным источником всех мыслителей XIX в. «Вот их отец и мать».

Конечно, этот образ может показаться банальным. Гораздо глубже по своему значению настойчиво повторяющиеся в творчестве Гюго темы разлуки с матерью и потери отца. Эпизод в начале романа «Девяносто третий год», в котором осиротевших детей Вандеи принимают солдаты революционного батальона, без сомнения, был для Гюго символом его собственного отказа от роялистских идеалов матери. И хотя

Мариус в «Отверженных» — а с ним и сам Гюго — познает правду Революции через запоздалое «открытие» отца-бонапартиста, исчезновение отца, образование невосполнимого пробела имеют не меньшее символическое значение.

Имя отца Мариуса — Понмерси (Pontmercu). Первый слог (pont — мост) создает образ, который в контексте романа воспринимается как мост через пропасть, соединяющий прошлое и будущее. Но ведь мост может рухнуть или подвергнуться разрушению, и тогда придется искать новые истоки. Примечательно, что в «Отверженных» отец с сыном так и не встретились. В произведениях Гюго отцы вообще, как правило, отсутствуют: приговоренный к смертной казни упоминает только женскую часть своего семейства (уж не отцеубийца ли он?); Фролло, рано ос-

Маркиз де Лантенак, герой романа Гюго «Девяносто третий год» (1874), читает указ, объявляющий его вне закона. Иллюстрация Гюстава Бриона (1875).

Photo © Bulloz, Paris, Collections de la Maison de Victor Hugo

► ставший сиротой, заменяет отца своему брату Жану; Вальжан еще ребенком лишается обоих родителей и также становится отцом для своих близких; об отце Жильята в «Тружениках моря» вообще ничего не известно; у Гуицлена, «человека, который смеется», отец умер в изгнании; Говэн, герой романа «Девяносто третий год», тоже сирота.

Иногда ребенка берет к себе дедушка, подобно г-ну Жильнорману в «Отверженных», который своевольно вычеркивает из его сознания настоящего отца, а тем самым и весь период с 1789 по 1815 г., считая упоминание о нем преступным и неуместным. Но еще более примечательно то, что Гюго, называя всю мыслительную деятельность XIX в. детищем Революции, заявляет, что сама Революция — дитя улицы. Глава «Девятнадцатый век» в заключительной части трактата «Вильям Шекспир» как раз начинается с категорического утверждения, что этот век ответствен лишь перед самим собой («...принадлежит только самому себе») и что разрыв с прошлым составляет суть его характера («Такова уж его революционная природа — он обходит-

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1836. Гюго дважды баллотировался во Французскую академию, но ему так и не удалось стать ее членом. Летом вместе с Жюльеттой и художником Селестеном Нантейем он целый месяц путешествует по Бретани и Нормандии. В ноябре в Париже состоялась премьера

оперы Луизы Бертен «Эсмеральда». Опера успеха не имела.

1837. После 15 лет прогрессирующего расстройства психики в лечебнице для душевнобольных умирает Эжен Гюго. В феврале Гюго издает отдельной книгой «Милосердие» и передает полученные средства беднякам 10-го округа

Парижа. В июне выходит поэтический сборник «Внутренние голоса». Гюго и Жюльетта проводят месяц в Бельгии и Нормандии.

1838. Написана пьеса «Рюи Блаз». В ноябре на открытии театра «Ренессанс» состоялась ее премьера.

1839. Гюго начинает работу над пьесой «Человек в железной маске» («Близнецы»), но не завершает ее и почти два месяца путешествует с Жюльеттой. В начале они посещают Страсбург, затем по правому берегу Рейна направляются в Швейцарию, откуда долиной Роны спускаются к Средиземному морю. Во время путешествия Гюго посетил каторжную тюрьму в Тулоне. В этом же году он вновь баллотировался во Французскую академию, но после семи безрезультатных туров голосования избрание Гюго откладывается на два месяца.

1840. Выборы в Академию состоялись, но Гюго и на этот раз терпит поражение. В мае он публикует новый сборник

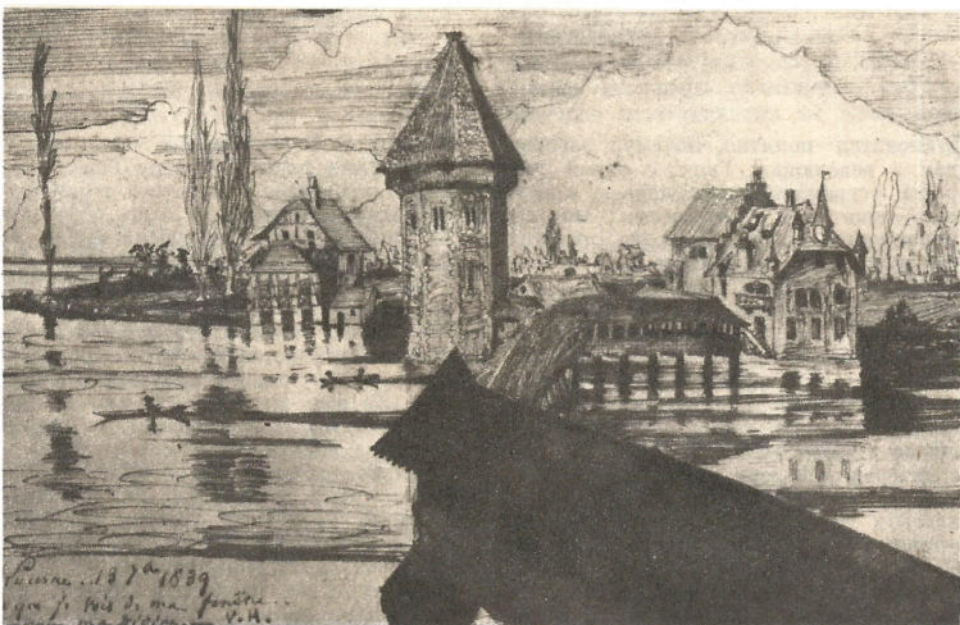

Photo © Bulloz, Paris, Collections de la Maison de Victor Hugo

«Старый мост в Люцерне, Швейцария», рисунок тушью Виктора Гюго, датированный 13 сентября 1839 г., на котором написано: «Вид из моего окна. Моей Дидине» (этим именем Гюго ласково называл свою старшую дочь Леопольдину).

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

Рисунок тушью Виктора Гюго, изображающий Тенардые, персонаж романа «Отверженные» (1862).

ся без предков»). Остается сделать всего лишь один шаг и распространить эту метафору на писателей XIX в., чтобы догадаться, кого имел в виду Гюго, говоря: «У поэтов и писателей девятнадцатого века нет ни учителей, ни образцов». Революционная метафора требует провозглашения независимости и самобытности самой литературы. Но сознание того, что твои истоки заключены лишь в тебе самом, неизбежно влечет за собой страдание и даже чувство вины. Подсознательно оно заставляет желать смерти. Великая французская революция всегда была для Гюго будоражащей сознание реальностью.

Но, кроме этой муки и чувства вины, были еще страх перед толпой и не всегда ясное понимание в целом позитивного, прогрессивного характера этого века. Из всего этого рождалось нечто большее, чем боязнь насилия и недоверие к материализму. Как ни парадоксально, Гюго, этот «человек-эпоха», обвиняет саму историю в беспощадности, называя ее цепью преступлений. История — часто жестокий свершившийся факт. Да и само слово «век», нередко ассоциирующееся с эпохальностью и утопизмом, вызывает у него

иной образ — «стену веков», о которой он пишет в первом стихотворении цикла «Легенда веков».

Итак, затянувшаяся очарованность историей и историческим процессом сопровождается страхом и дурными предчувствиями.

«Легенда веков» должна была стать эпической поэмой о поиске человечности во тьме веков. Слово «век» для Гюго было еще и способом заклеить тех, кто ограничивал себя этими временными рамками, отказываясь от вечной жизни духа.

«Неблагодарный, страшный, подлый век».

Это тройное обвинение своему времени помогает понять истинный смысл

обращенного в грядущие века пророчества Гюго: вспомним студента-революционера Анжольраса из «Отверженных», который, перед тем как отдать свою жизнь за политические убеждения, предрекал с высоты баррикады, что настанет время, когда не будет политических авантур и человечество, очнувшись от кошмаров истории, найдет выход из «чащи событий».

И, как знать, быть может, в этом и заключается главный парадокс Гюго — «человека-эпохи»: неотделимый от истории и политической жизни своего времени, он в то же время больше всего мечтал вырваться из их тисков. ■

ВИКТОР БРОМБЕРТ (США) — профессор романской литературы и сравнительного литературоведения в университете Генри Пуппама, директор семинара в Принстонском университете. Автор ряда работ по французской литературе, включая «The Romantic Prison. The French Tradition» (1978) и «Victor Hugo and the Visionary Novel» (1984).

стихотворений «Лучи и тени». Совершает с Жюльеттой поездку по Рейну. В дороге Гюго ведет путевой дневник, который отсылает своей семье, делает многочисленные зарисовки в блокноте, альбоме и даже на полях рукописи. По возвращении в Париж внимание Гюго полностью поглощает перенесение останков Наполеона во Францию. 15 декабря в день официальной церемонии выходит в свет отдельной книгой «Возвращение императора», а неделей позже — сборник всех его стихов, посвященных Наполеону.

1841. Гюго в четвертый раз баллотируется во Французскую академию и добивается успеха на первом же туре голосования, хотя и с незначительным перевесом голосов. В июне на формальной церемонии принятия в члены Академии он произносит речь, не только имевшую политическое значение, но и представлявшую литературный интерес. Работает над книгой путевых заметок «Рейн», в которой рассказывает о своих впечатлениях о путешествии по Шампани (1838) и Рейну (1840).

1842. В январе вышла в свет книга «Рейн». В июне Гюго избирают директором Академии, и в этом качестве он от имени Французской академии выражает официальное соболезнование Луи-Филиппу по случаю трагической кончины его старшего сына. Написана и принята к постановке «Комеди Франсез» новая пьеса — «Бургграфы».

«Избрание Виктора Гюго во Французскую академию», Анри Вожель. Акварель, 1841.

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

«Не говорите мне о современной драматургии!!!» Карикатура на консервативного критика, сделанная Гюго.

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1843. 15 февраля Гюго с чувством «горестного счастья» выдает замуж свою дочь. Леопольдина становится женой Шарля Вакери, сына гаврского судовладельца. 7 марта состоялась премьера «Бургграфов», но пьеса была признана неудачной. В июле перед отъездом в длительное путешествие по Испании и Пиренеям Гюго нанес визит Леопольдине и ее семье, а 4 сентября Леопольдина, ее муж, дядя мужа и племянник утонули в Сене близ Вилькье. Гюго узнал об этой трагедии спустя пять дней из газет. Он возвращается в Париж, чтобы быть рядом со своей убитой горем семьей. Единственной отрадой Гюго в этот мрачный год были отношения, сложившиеся у него с Леони Биар.

1844. Гюго, вдохновленный своим чувством к Леони Биар, пишет несколько стихотворений. Он становится одним из приближенных короля. В Вене состоялась премьера оперы Верди «Эрнани», в основу либретто которой легло одноименное произведение Гюго.

1845. Король дарует Гюго титул пэра Франции. Вышла в переработанном виде книга Гюго «Рейн». В июле полиции стала известна связь Гюго с Леони Биар. Гюго, будучи пэром, избегает ареста, но Леони сажают в тюрьму. В об-

ществе Гюго не показывается: все думают, что он путешествует за границей. А он тем временем работает над романом «Нищета», который впоследствии обретет иное название — «Отверженные».

Английские и французские экспедиционные войска в Летнем дворце в 1860 г. Позднее дворец был сожжен. Эта резиденция императора находилась на озере Куньминху к северо-западу от Пекина.

GUERRE DE CHINE.

LE PALAIS D'ÉTÉ.

(copulation du Yuen-King-Yuen la Residence impériale.)

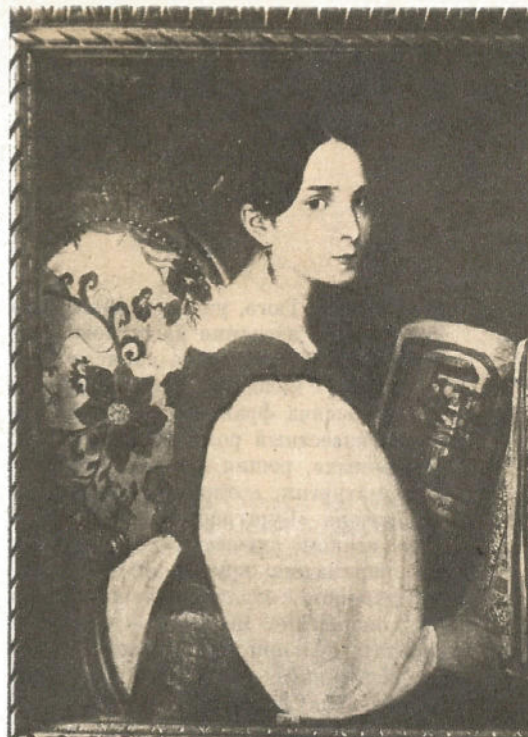
1846. В начале февраля Гюго нарушает свое затворничество и принимает участие в заседании Комитета по охране памятников. Вскоре после этого он впервые выступает в Палате пэров по вопросу о праве собственности на произведения искусства. Он посещает тюрьму Консьержери и делает о ней подробные записи. Умирает двадцатилетняя Клер Прадье, единственная дочь Жюльетты Друэ. Гюго, по собственной воле взявший на себя роль приемного отца Клер, разделяет горе Жюльетты. Он впервые посещает Вилькье. Гюго по-прежнему пишет стихи и работает над романом.

1847. Гюго посещает тюрьму Ла Рокетт, где беседует с приговоренным к смерти заключенным. Появляются его речи об использовании детского труда и о реформе системы наказаний за уголовные преступления. Гюго выступает в Палате пэров в поддержку субсидий театрам и призывает к отмене решения об изгнании из Франции семьи Бонапарта, мотивируя это тем, что правительству следует больше опасаться голодающего населения, чем родственников бывшего императора. У Гюго появляется новая симпатия — актриса Алис Ози. С Жюльеттой он совершает не-

дельное путешествие по Нормандии и, проезжая мимо Вилькье, пишет знаменитое стихотворение «Едва займетса день...». Продолжается работа над «Отверженными». В Москве состоялась премьера оперы Даргомыжского «Эсмеральда».

«Леопольдина с часословом», портрет одиннадцатилетней Леопольдины Гюго, выполненный Огюстом Шатийоном. Ее трагическая гибель близ деревни Вилькье между Руаном и Гавром в возрасте 19 лет была для Гюго тяжелым ударом. Его отеческая любовь к Леопольдине нашла отражение в романе «Отверженные» (Жан Вальжан — Козетта) и вдохновила его на одно из лучших стихотворений «Едва займетса день...» («Созерцания»). В доме родителей мужа Леопольдины в Вилькье на берегу Сены теперь музей, настоящий храм Виктора Гюго, подобный дому на площади Вогезов в Париже и Отвиль-Хауз на Гернсе.

Photo © Roger Viollet, Paris

Разграбление Летнего дворца

Капитану Батлеру

Отвиль-Хауз,
25 ноября 1861 г.

Милостивый государь!

Вы хотите знать мое мнение о военной экспедиции в Китай. Находя ее доблестной и почетной, вы настолько добры, что придаете известное значение и моей оценке; вы считаете, что эта экспедиция, проведенная под соединенными флагами королевы Виктории и императора Наполеона, овеяна славой, которую поделили между собой Франция и Англия, и желали бы знать, отдаю ли я должное английской и французской победе.

Что ж, раз вам хочется услышать мое мнение, я выскажу его.

В одном уголке земного шара существовало чудо мира: оно звалось Летним дворцом. В искусстве заложено два начала — идея, порождающая европейское искусство, и фантазия, порождающая искусство восточное. В искусстве, основанном на фантазии, Летний дворец был тем же, чем является Парфенон в искусстве, основанном на идее. Все, что может создать воображение народа, почти легендарного, воплотилось в этом дворце. Парфенон был творением редкостным и неповторимым, но Летний дворец казался огромным слепком с фантазии, если только с фантазии можно сделать слепок. Представьте себе неопишемое сооружение, нечто подобное волшебному лунному замку: это — Летний дворец. Создайте мечту из мрамора, нефрита, бронзы, фарфора, постройте ее из кедрового дерева, украсьте драгоценностями, задрапируйте шелками, превратите в святилище, в гарем, в крепость, населите богами и

чудовищами, покройте лаком, эмалью, позолотой, дешкой, прикажите архитекторам, наделенным воображением поэтов, воплотить тысячу и один сон «Тысячи и одной ночи», окружите садами, бассейнами, сверкающими фонтанами, лебедями, ибисами, павлинами — словом, представьте себе неисчерпаемое и ослепительное богатство человеческой фантазии, претворенной в храм и в дворец, — и перед вами предстанет это чудо. Чтобы создать его, нужен был долготелный труд поколений. Это здание, громадное, как город, строилось веками. Для кого? Для народов. Ибо то, что творит время, принадлежит человеку. Художники, поэты, философы знали Летний дворец; о нем упоминает Вольтер. Говорили: Парфенон в Греции, пирамиды в Египте, Колизей в Риме, Собор богородицы в Париже, Летний дворец на Востоке. Кто не видел его воочию, тот представлял его себе в мечтах. Это был потрясающий, несравненный шедевр, который рисовался вдалеке, в каких-то таинственных сумерках, словно силуэт азиатской цивилизации на горизонте цивилизации европейской.

Это чудо исчезло.

Однажды двое бандитов ворвались в Летний дворец. Один разграбил его, другой поджег. Победа, оказывается, может быть грабительницей. Победители расхитили все богатства Летнего дворца и поделили добычу. Во всем этом замешано имя Эльгина, роковым образом заставляющее вспомнить Парфенон. То, что сделали с Парфеноном, сделали и с Летним дворцом, но куда усерднее и обстоятельнее, не оставив после себя уже ничего. Все сокровища наших соборов вместе взятые не могли бы сравниться с этим огромным и великолепным музеем Востока. Там хра-

нили не только замечательные произведения искусства, но и богатейшие собрания золотых и серебряных изделий. Громкий подвиг и славная победа! Один из победителей набил карманы, другой, глядя на него, наполнил сундуки; и оба, взявшись за руки, довольные вернулись в Европу. Такова история двух бандитов.

Мы, европейцы, считаем себя людьми цивилизованными, и для нас китайцы — варвары. Но вот как цивилизация обоглась с варварством.

Перед судом истории один из бандитов будет называться Францией, другой — Англией. Но я протестую, и я вам благодарен за то, что вы дали мне возможность выразить мой протест. Преступления властителей нельзя вменить в вину тем, над кем они властвуют; правительства подчас бывают бандитами, народы же — никогда.

Французская империя захватила половину этих сокровищ и теперь с наивным бесстыдством собственника выставляет напоказ великолепные древности Летнего дворца. Я верю, что придет день, когда освобожденная и очищенная Франция вернет свою добычу разграбленному Китаю.

А пока что свидетельствую: двумя грабителями был совершен грабеж.

Как видите, сударь, я отдаю должное военной экспедиции в Китай.

Виктор Гюго ■

Африканские премьеры

Жак Тэфани

В 1866 г. Гюго, уже десять лет живший в изгнании на острове Гернсей, за два месяца написал четырехактную мелодраму «Вознаграждение — тысяча франков». Неужели всемирно известный романтик, автор «Отверженных», решил наконец вернуться к драматургии, которую забросил после провала «Бургграфов» в 1843 г.?

Во всяком случае, так утверждали его парижские друзья, и столица с нетерпением ждала новой пьесы. Но опальный мечтатель предпочел спрятать большие листы голубой бумаги, исписанные его магическим пером, на дно сундука. Он уверял, что цензура не пропустит драму, и, не вдаваясь в объяснения, заявил: «Я написал ее, чтобы избавиться от одной навязчивой мысли».

Пьеса эта вошла в сборник «Свободный театр», вышедший уже после смерти писателя, ее отдельное издание появилось лишь в 1934 г., а впервые поставлена она была в 1961 г. Юбером Жинью в Страсбурге. И вот двадцать четыре года спустя, в год столетия со дня смерти поэта, настал наш черед возродить на сцене балладу о Глапье...

О чем она?

Париж, двадцатые годы прошлого столетия. Глапье, каторжник, бежавший из-под стражи, — этакий Жан Вальжан, сохранивший чувство юмора, — пробирается по крышам города. Он голоден, и сил у него хватает разве только на то, чтобы бросить вызов богу: «Как только мне подвернется доброе дело, я не упущу случая и сделаю его. Вот и выйдем, что господь бог ошибся».

Глапье смотрит через стекло в жалкую комнатку на мансарде. Там, окруженный боевыми трофеями, доживает свой век больной старик, ветеран наполеоновских войн. Он беден, живет с вдовой дочерью Этьенеттой и внучкой Сиприеной. Чтобы хоть как-то их прокормить, майор Жедуар вынужден давать уроки музыки. Нищета подстерегает их, ужасная, неминуемая. Мужчина еще может снести нужду, но женщины...

Сиприена любит молодого человека по имени Эдгар Мар, служащего клерком у крупного банкира, барона Пюаккаррала. От имени последнего и провозглашается весь имущественный (в том числе и фортепиано) семья Жедуар. Подлинный виновник этой гнусной истории — господин Русселин, делец, воплощенный безжалостный дух Реставрации. Он преподносит Этьенетте урок жизненной правды: «Хотите разбогатеть — никогда не выдавайте своей бедности, а если вам не угодно обречь дочь на нищету, так отдайте ее мне в жены». Подобно Фантине из «Отверженных», Этьенетта в отчаянии; она предоставляет дочери право самой сделать выбор. Однако юная Сиприена,

как и Козетта, повинуется голосу сердца: она отказывает Русселину. Тут Глапье, укрывшийся, подобно любовнику в водевиле, за вешалкой с платьем, восклицает: «Молодец, малютка!» И так, тон задан.

Не вдаваясь подробно в перипетии сюжета мелодрамы, в результате которых выясняется, что банкир не кто иной, как муж Этьенетты и отец Сиприены, отметим лишь, что соль пьесы — в ее главном герое. Каторжник Глапье не святой, не мученик. Это пятидесятилетний Гаврош: в нем дух Парижа, горький смех и поэзия народа.

Официальная мораль наделяет каторжника (тоже своего рода изгнанника) всевозможными пороками, однако у него есть перед почтенными буржуа одно преимущество: он — «в стороне». Глапье на крыше — это Гюго в изгнании. Оба могут позволить себе сбросить маску добропорядочности. Судья говорит: «Ты украл». Глапье отвечает: «Я украл, потому что был голоден». Правосудие, как и армия, не рассуждает, ему важен факт. В шестнадцать лет Глапье арестовали и осудили на долгие годы тюрьмы. Здесь у него было время кое-чему научиться.

Однако в пьесе происходит чудо: герой сохраняет душу ребенка. Юмор Гюго — это и скрытая форма отчаяния, и признак молодости. А есть ли в театре лучшее средство разоблачения, нежели смех? В обличительных манифестах, романах, эпопеях не обойтись без кропотливого анализа, смех же действует мгновенно; это изящное оружие вернее тяжеловесных аргументов. Именно это было для нас главным в работе над пьесой.

Чтобы поставить мелодраму, нужно поверить в нее всем сердцем. Мелодрама — это борьба мечты с реальностью, бескорыстия с алчностью, нового со старым. В плохой мелодраме абсолютное добро приходит в столкновение с абсолютным злом, порождая при этом абсолютную скуку. В хорошей же (а «Вознаграждение — тысяча франков» — безусловный шедевр) — добро и зло относительны.

Мы сочувствуем «доброму» Эдгару Мару, потому что он любит Сиприену, но в нем чувствуется закваска буржуа: с годами он тоже станет толстокожим и до ужаса добропорядочным человеком. Что же касается «злодея» Русселина, то он, подобно каторжнику, в

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1848. 22 февраля монархия пала и была провозглашена Республика. Гюго, которому, несмотря на все его старания, так и не удалось добиться назначения герцогини Элен Орлеанской регентшей, предложили пост мэра 8-го округа Парижа, но он отказался. В июне Гюго избирают в Учредительное собрание. В один из июньских дней Гюго ведет переговоры с повстанцами. До конца года он всецело занят политикой. Гюго поднимает голос в защиту политических заключенных, которым грозит изгнание или смертная казнь; требует свободы печати и оказания финансовой помощи театрам, закрытым еще во время Июльского восстания; призывает отменить смертную казнь и цензуру на театральные постановки. Он голосует за включение в преамбулу конституции упоминания о правах человека и выступает за всеобщее и полное избирательное право. В ноябре он произносит имевшую исключительно важное значение речь по поводу сокращения ассигнований на нужды школ, университетов и других культурных учреждений, а также субсидий на развитие науки и искусства. Он предупреждал делегатов об опасности экономии за счет «интеллектуальных благ» и заявил: «Необходимо возвышать дух человека и направлять

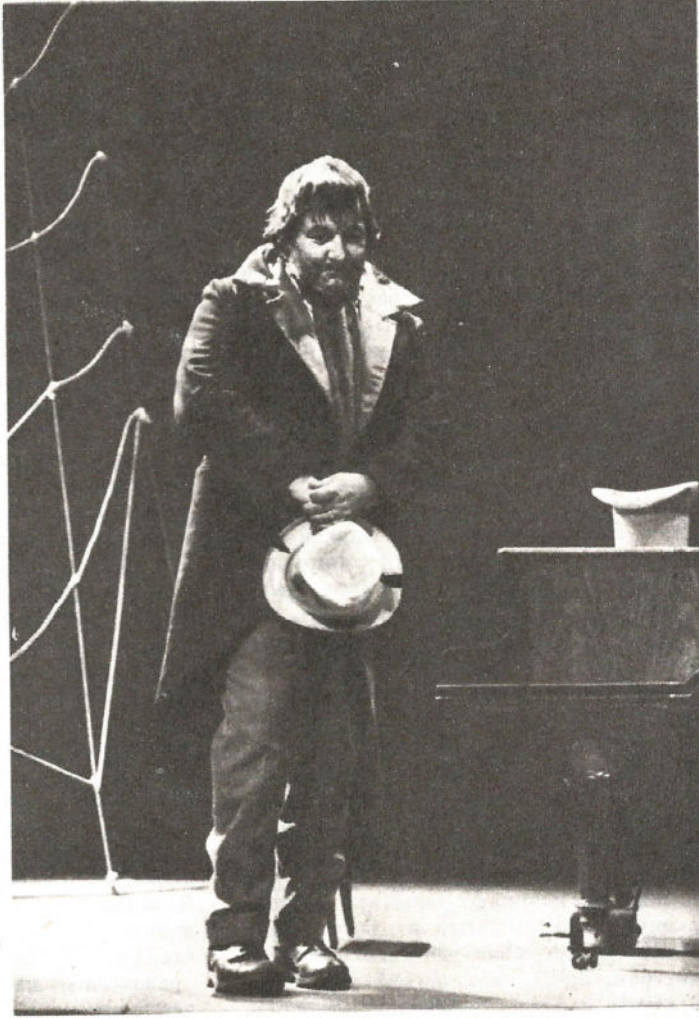
его помыслы к богу, самосознанию, красоте, справедливости и правде, бескорыстным действиям и величию. Действуя так и только так, вы увидите, наконец, человека, примиренного с самим собой, а следовательно, и с обществом». В декабре состоялись президентские выборы, Гюго, находившийся под сильным впечатлением книги «L'Extinction du paupérisme», голосовал за ее автора, Луи Наполеона Бонапарта, который в результате и одержал победу на выборах, обойдя Кавеньяка, Ламартина и других.

Виктор Гюго сажает «дерево свободы» на Королевской площади (ныне площадь Вогезов). Акварель Анри Вожеля (1848). На заднем плане — дом, в котором жил Гюго.

Виктор Гюго, сфотографированный в 1867 г. в Брюсселе Альбером д'Арну, известным под псевдонимом Бертали (1820—1882).

Французский актер Пьер Мейран в роли каторжника Глапье в спектакле по пьесе Гюго «Вознаграждение — тысяча франков», поставленном труппой «Свободный театр» в 1985 г. в университетском городке в Париже.

1849. В Учредительном собрании Гюго продолжает выступать в поддержку искусства, в частности требует завершения строительства Луврского музея, за отмену цензуры на театральные постановки и за оказание финансовой помощи художникам. Гюго избирают в новое Законодательное собрание, где он выступает со страстной речью в защиту обездоленных. В августе Гюго избирают председателем конгресса мира, на котором он выступает со вступительным и заключительным словом. В октябре Гюго публично осудил подавление французскими войсками восстания республиканцев против папы в Риме. Ведя столь активную общественную деятельность, он продолжает писать стихи.

1850. 15 января Гюго выступил с решительным осуждением законопроекта о

«Совесть против Зла», рисунок Гюго.

предоставлении духовенству монопольного права в области народного просвещения, назвав его чудовищным шагом назад. По его мнению, в идеале нужно стремиться к введению бесплатного, светского и, прежде всего, обязательного обучения, «широко раскрывающего врата знаний для всех умов». Атакующий стиль речи «Свобода преподавания» и последующие выступления Гюго в конечном счете оттолкнули от него консервативно настроенных парламентариев. Он выступал против ограничений избирательного права, против ссылки осужденных, а также в защиту свободы театра и прессы, опубликовал открытое письмо заседанию конгресса мира во Франкфурте. Гюго продолжает, хотя и менее активно, заниматься поэтическим творчеством. В Веймаре была впервые исполнена навеянная поэзией Гюго симфоническая поэма Листа «Что слышно на горе».

определенном смысле сам оказался вне общества, к тому же он честен перед самим собой: в отличие от прочих злодеев, считающих себя добренькими, этот прекрасно сознает свою порочность. Ему, как и Глапье, ненавистны буржуа, а если он кого и любит, то только себя. Ненависть к буржуа роднит двух подлинных героев пьесы, двух изгоев: каторжника по приговору и каторжника по духу. Та же роковая нить связывала Жавера и Жана Вальжана.

Арлетта Тефани, полагаясь на воображение зрителей и их умение понять текст, предпочла, чтобы этот поединок проходил не в реалистических декорациях, а на пустой сцене.

На сцене один-единственный предмет — фортепиано: оно и музыкальная шкатулка, и гроб, и сейф, и символ культуры сентиментальных буржуа. Для Глапье оно и сообщник, и враг: взломав сейф, он запутывается в его струнах, как муха в паутине.

Пьер Мейран исполняет роль Глапье в духе Чаплина, но его герой не просто забавный босяк, а суровый человек, закаленный в борьбе за существование, за хлеб насущный. Гротеск у него становится бравадой, а смешное трогательным. Мы смеемся не над ним, а вместе с ним.

Спектакль и особенно исполнитель главной роли имели большой успех и в Париже, и в провинции. Особенно тепло приняли пьесу рядовые обитатели предместий и молодежь. На представлениях ощущалось такое единомыс-

► лие автора, труппы и дублики, которого удается достигнуть не каждому драматургу. Это было открытие Гюго заново.

Но своей кульминации это единение душ достигло в Африке во время наших официальных гастролей в восьми франкоговорящих странах. Мы играли, в частности, перед двумя тысячами дакарских студентов на баскетбольной площадке и перед тремя тысячами зрителей в бетонном амфитеатре Киншасы.

С актеров, одетых в тяжелые зимние костюмы, градом лился пот. Трудно было поверить, что спектакль, длящийся два с половиной часа, без декораций — только фортепиано, текст да десяток прожекторов — и при плохой акустике сможет приковать внимание столь внушительной аудитории. Да и какой интерес могли представлять для наших зрителей в тропиках все эти денежные махинации, история несчастной вдовы, император, Реставрация? Казалось, им никогда не проникнуть в бесконечно сложный мир Гюго!

Но с первых же реплик Глапье завладевает зрителем, пробуждает сочувствие. Слышатся взрывы смеха, искренние, но непродолжительные: здесь нет инерции, характерной для многих аудиторий, где начинают смеяться с опозданием, а потом долго не могут остановиться, прерывая действие и мешая актерам. Здесь смех живой и чуткий. Зрители словно предвосхищают юмор Гюго. Они ждут его, трепещут. И спектакль идет в хорошем ритме, несмотря на технические сложности и жару.

Публика все время с нами, и актеры с полной отдачей добиваются маги-

ческого эффекта мелодрамы, заставляя зрителей плакать и смеяться одновременно. Вот Глапье закуривает перед сейфом сигару и принимает позу важного лица: бродяга вдруг превращается в бизнесмена. Взрыв хохота сотрясает воздух: так, наверное, смеялись боги Гомера. Иные уловки «злодея» вызывают восхищение публики (да, да, именно восхищение, ведь она предвкусывает достойный отпор бедняков). На восторги влюбленных Сиприены и Эдгара зритель отвечает сочувственными вздохами и смущенными улыбками.

В напряженном молчании вслушиваются зрители в монолог Этьенетты, начинающийся репликой: «На свете много горя, сударь. Женщины не всегда бывают счастливы...» Эту фразу актриса произносит легко, как бы вовсе не акцентируя на ней внимания, однако в то же время вкладывая в эти слова частицу своей женской души. И тут публика начинает сочувственно вздыхать.

Три тысячи зрителей в Киншасе застав дыхание следили в заключительной сцене за Глапье, который появляется в суде, чтобы распутать нити интриги, совершить доброе дело и тем самым отдать себя в руки правосудия. Я видел, как на глазах моего соседа в этот момент появились слезы. И когда Глапье покинул сцену, чтобы отправиться на каторгу, три тысячи человек повскакали с мест, улыбаясь сквозь слезы. В поднявшемся крике мы не сразу узнали многократно повторенное «браво».

Актеры труппы и присутствовавшие на спектакле немногочисленные фран-

цузы испытали в эти минуты, пожалуй, самое сильное театральное впечатление в своей жизни. Это был настоящий праздник французского слова. Более того, пьеса нашла здесь свою публику, ту самую, которую она, несомненно, встретила бы еще в 1866 г., не положи ее Гюго под сукно.

Теперь нам кажется понятным, о какой «навязчивой мысли» говорил Гюго. Романы, даже те, которые, подобно «Отверженным», стали народным преданием, не давали поэту непосредственного выхода к читателю. Его диалог с ним оставался умозрительным. В театре же, особенно если бы была поставлена пьеса «Вознаграждение — тысяча франков», являющаяся своеобразной сценической обработкой «Отверженных», Гюго мог бы рассчитывать на живой сердечный отклик. Но он отказал себе в этом. Он остался в изгнании, как, впрочем, и Глапье, который вернулся на каторгу. У поэта не было иллюзий. Они бывают только у нас, людей театра. ■

ЖАК ТЕФАНИ (Франция) — драматург, сценарист, директор театра, продюсер. Автор исследований творчества Виктора Гюго, в частности его пьесы «Вознаграждение — тысяча франков». Постановка пьесы была осуществлена в 1979—1980 гг. труппой «Свободный театр» под руководством Арлетты Тэфани. Новая постановка состоялась в 1985 г. В июле пьеса была показана по французскому телевидению. Труппа под эгидой Французской художественной ассоциации гастролировала с ней по Франции и франкоговорящим странам Африки.

Тушь, уголь, сажа

В своей критической заметке «Салон 1859 года», посвященной крупной художественной выставке, которая проходила в том году, поэт Шарль Бодлер писал об «удивительной фантазии», пронизывающей рисунки Гюго. «Я счастливо», — писал Гюго Бодлеру, — что Вы так хорошо отзываетесь о моих рисунках тушью. Правда, я уже использую карандаш, уголь, сепию, сажу и самые невероятные смеси, с помощью которых мне удастся передать то, что я зрительно, или скорее мысленно, ощущаю. Я с удовольствием занимаюсь этим в перерывах между работой над стихами».

Как утверждает Пьер Жоржель, хранитель дижонского Музея изобразительных искусств, в своем исследовании «Художник поневоле», Гюго этим подчеркивал вторичность занятий живописью по отношению к своей основной работе — литературному творчеству. Он считал, что широкая публика должна видеть в нем прежде всего писателя, и этой позиции он придерживался до конца своей жизни, предпочитая показывать свою «мазню» только близким родственникам и друзьям. Тем не менее, завещая Национальной библиотеке сотни своих рисунков, он как бы давал понять потомкам, какое важное место занимали они в его творчестве.

Значительное художественное наследие Гюго (около 3000 известных работ, относящихся в основном к 1830—1876 гг.) поражает глубиной и разнообразием: карикатуры, путевые зарисовки, реальные и вымышленные пейзажи, кляксографии, гравюры, аппликации, фигурные росчерки пера. Начиная с 1848 г. рисунок преобразуется для Гюго в нечто большее, чем второстепенное занятие. Более того,

на несколько лет оно практически затмевает литературное творчество. Его рисунки быстро получают признание. Поэт и романист Теофиль Готье отмечал их «необыкновенную пластичность». Возможно, они даже оказали определенное влияние на таких граверов и художников, как Гюстав Доре и Родольф Бреден. Ими восхищался Ван Гог, были они и в коллекции Пикассо.

Широкая публика познакомилась с художественным наследием Гюго лишь в 1888 г., три года спустя после его смерти, когда в Париже была организована первая выставка его рисунков; более полное представление о них она получила в начале XX в., когда в доме на площади Вогезов в Париже открылся музей Гюго. Но истинное признание значения и актуальности его графических работ пришло с появлением сюрреалистов, которые сразу же оценили фантастичность и спонтанность его изобразительного искусства.

Значение Гюго как художника — богатство воображения и уникальность его искусства, отдельные направления которого еще недостаточно изучены, — было по достоинству оценено многими писателями XIX и XX в. Среди них — Поль Клодель, отмечавший «паническое созерцание», воплощенное во всех его работах, и Гаттан Пикон, утверждавший, что его «рисунки — это царство непреходящего», стихийного.

В наши дни, когда на мир искусства направлены многочисленные взгляды более или менее пристрастных исследователей, ряд специалистов, в частности Пьер Жоржель, пробуют воссоздать строгую хронологию художественного наследия Гюго, с тем чтобы еще глубже изу-

чить взаимосвязь его литературного и графического творчества. Помещенные на цветной вкладке рисунки дают представление о силе таланта и самобытности Гюго-художника, неотделимого от Гюго-поэта.

ЦВЕТНАЯ ВКЛАДКА

с. 19

«Жильяте поднимается из пены волн», тушь, размывка, ок. 1865. О Жильяте, герое романа «Труженики моря», Гюго писал: «Ветер и море надели на него хмурую маску».

с. 20—21

«Змей в изгнании», тушь, размывка, гуашь.

с. 22

Вверху: скала Ортак близ острова Олдерни (Нормандские острова). Карандаш, сепия, акварель, ок. 1863—1867.

Внизу: «Крысиная башня», тушь, размывка. Этот рисунок сделан Гюго 27 сентября 1840 г., во время путешествия по Рейну с Жюльеттой Друэ. Возможно, он возвращался к работе над ним в 1847 г.

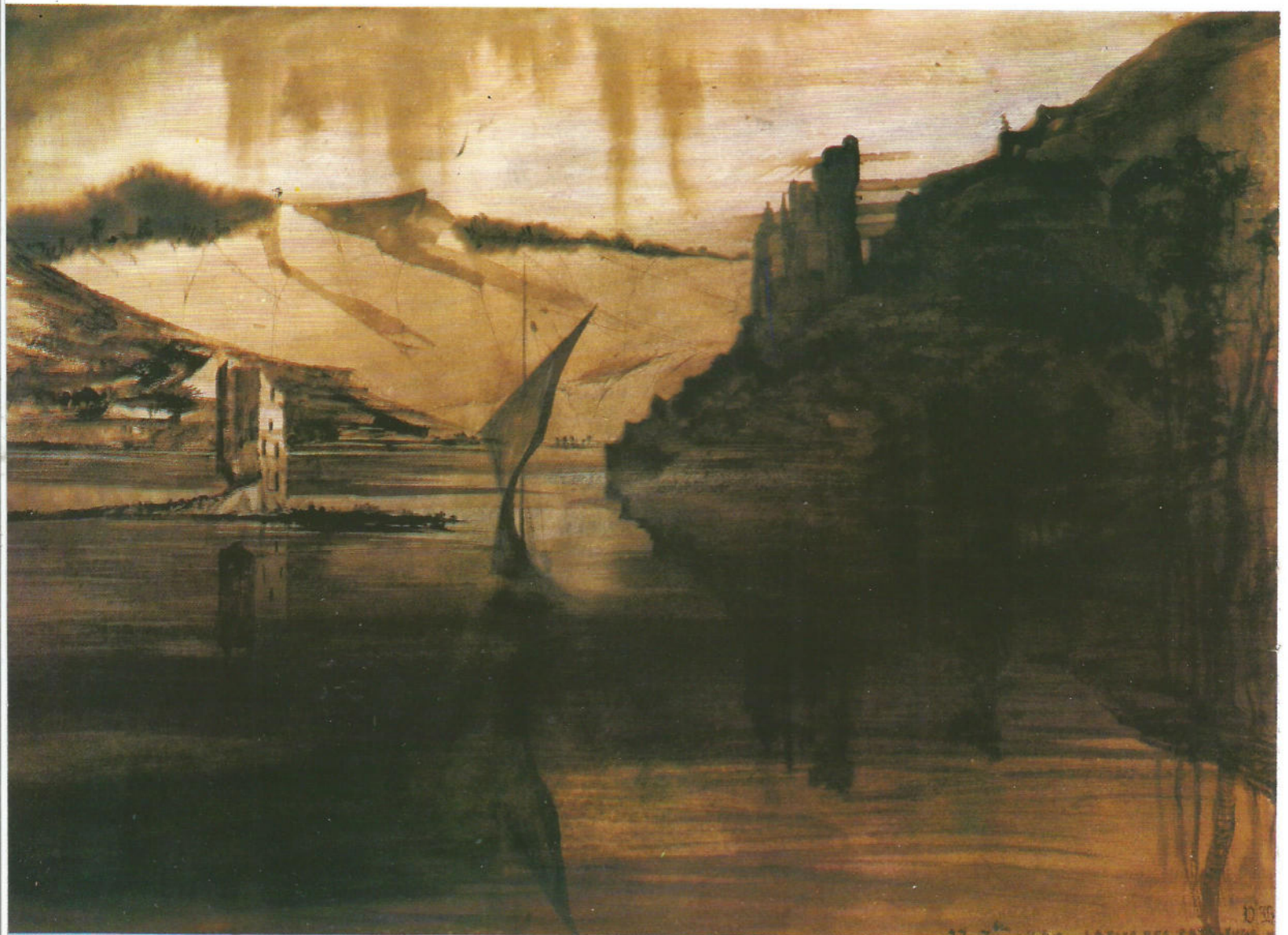
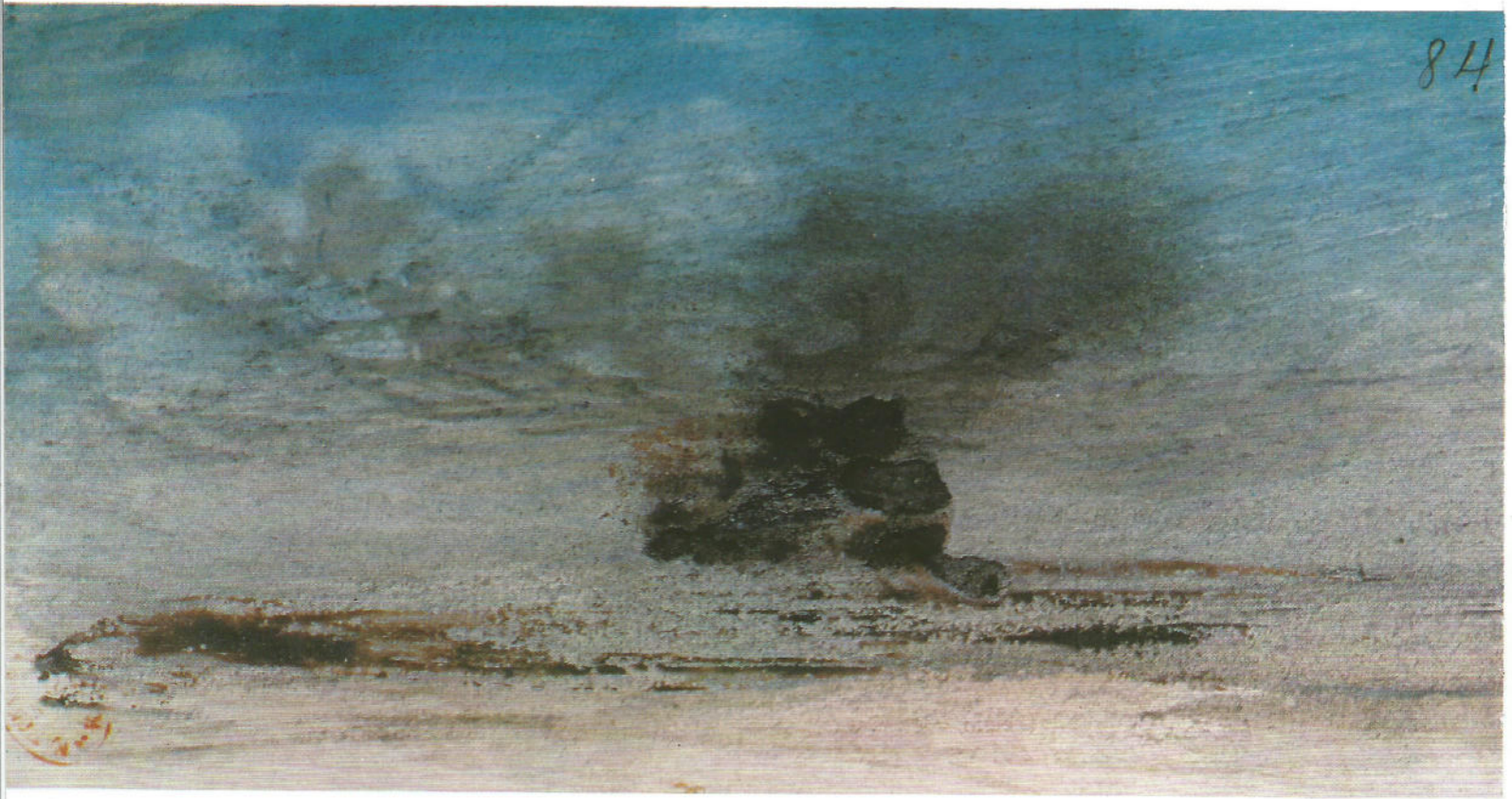
Photos taken from «Victor Hugo, dessins et lavis», by Jacqueline Lafargue © Editions Hervas, Paris, 1983. Collections de la Maison de Victor Hugo, Paris

84

В зеркале сердца

Рене Шар

Внизу: рукопись первых двух строф стихотворения, написанного на острове Джерси 3 апреля 1854 г. и опубликованного в 1881 г. в сборнике «Четыре ветра духа».

«Je suis fait d'ombre et de marbre.
Comme les pieds noirs de l'arbre
Je m'enfonce dans la nuit.
J'écoute; je suis sous terre;
D'en bas je dis au tonnerre:
Attends! ne fais pas de bruit.

Moi qu'on nomme le poète,
Je suis dans la nuit muette
L'escalier mystérieux;
Je suis l'escalier Ténébres;
Dans mes spirales funèbres
L'ombre ouvre ses vagues yeux.»

Творчество Гюго — это не просто поэтическое проникновение в судьбы своего времени, это — яркая вспышка, буря на небосклоне культуры XIX в. Грузный, с царственной осанкой, он завоевал успех своей экстравагантностью, хотя, быть может, именно успех-то и родил экстравагантность. Его величественная фигура привлекает внимание зевак, вызывает восхищение и смех, раздражение и гнев, заставляет нас бушевать негодованием или объявлять себя его поклонниками. Его мнимое самодовольство как раз и рассчитано на то, чтобы вывести нас из себя. Но тут же нас начинает мучить совесть. Конечно, его не назовешь самым оригинальным поэтом нашего времени, но именно он вернул нам забытое искусство, пропуская стих сквозь волшебную призму вдохновения, заставляя его то излучать свет истинной гармонии, то окрашиваться в цвет крови. Ему все легко: когда хочет, он загадочен, как хищник перед прыжком. Его приемы неуловимы, и порой он приближается к ошеломляющей нежности Расина. Его совершенству нет предела. Вот почему он велик.

Сколько бы вам ни было лет, каковы бы ни были ваши убеждения, вы всегда найдете в его творчестве что-нибудь для себя, но никогда не встретите в Гюго единомышленника. Льющийся из-под его пера поток воспринимается нами как затейливая вязь, составленная из фрагментов и отрывков, как рыба чешуя, как заклинания колдовской книги. Среди лесных духов он превзошел самого Пана. Воспринимать

его целиком невозможно. Этот Барнум, похваляющийся своими заслугами, своей поэзией, своими динариями, умел и в потоке повседневной жизни владеть спасительным глаголом как волшебной палочкой, или, вернее, как заветным паролем. Когда же его затмила восходящая звезда Бодлера, когда подложенная им бомба буквально разнесла на куски творчество мэтра, его вассалы потребовали свободы. Погасла хвастливая заря, и его поэзия блистающими осколками рассыпалась у наших ног. От его нескончаемого старческого диалога с богом и дьяволом не осталось ничего, кроме нескольких колких острот и разбросанных лилий, сохранивших, правда, свой неповторимый аромат и краски.

Гюго-прозаик не сравнишь с Шатобрианом. Пропасть лежит между ним и Жераром де Нервалем, воспевающим в своей «Сильвии» рощи былых веков. Но о том, что было ему дорого, он умел рассказать лучше, чем объектив камеры Нисефора Ньепса.

Гюго — это грандиозное зеркало в форме сердца и эталон, по которому следует мерить славу кое-кого из наших великих современников. Что ж, он это заслужил. ■

РЕНЕ ШАР (Франция) — один из ведущих современных французских поэтов. В 1983 г. в издательстве «Галлимар» в серии «Плеяда» вышло в свет полное собрание его поэтических и прозаических произведений — честь, редко выпадающая на долю поэта при жизни. Его последняя работа «Les voisinages de Van Gogh» вышла в свет в начале 1985 г.

Je suis fait d'ombre et de marbre.
Comme les pieds noirs de l'arbre
je m'enfonce dans la nuit.
J'écoute; je suis sous terre;
d'en bas je dis au tonnerre:
attends! ne fais pas de bruit.

Moi qu'on nomme le poète,
je suis dans la nuit muette
l'escalier mystérieux;
je suis l'escalier Ténébres;
dans mes spirales funèbres
l'ombre ouvre ses vagues yeux.

Символ справедливости

Произведения

Виктора Гюго в Китае

Ли Мэйин

Виктор Гюго был одним из первых писателей Запада, чьи произведения привлекли к себе внимание и были переведены в Китае.

Китайские читатели открыли для себя его творчество благодаря переводчику Су Цзыгу, опубликовавшему в 1903 г. в одной из шанхайских газет первые одиннадцать глав романа «Отверженные». И хотя перевод был не совсем точен, он впервые дал китайским читателям возможность познакомиться с сочинениями великого французского романиста. Вскоре, в 1906 и 1907 г., появились переводы еще двух произведений Гюго. Творчество писателя вызвало живой интерес; один за другим на китайском языке вышли «Бюг-Жаргаль», «Последний день приговоренного к смерти», «Собор Парижской богородицы», «Девяносто третий год», «Труженики моря», «Ган Исландей».

Один из крупнейших китайских писателей Лу Синь (1881—1936) перевел отрывок из «Отверженных», который был опубликован под названием «Фантина».

Цзэн Пу (1872—1935), автор известного романа «Цветы в море зла», первым из китайских писателей поставил перед собой задачу перевести все сочинения Гюго. С 1907 по 1935 г. он перевел «Марию Тюдор», «Девяносто третий год», «Рюи Блаза», «Эрнани», «Человека, который смеется», «Кромвеля», «Марьон Делорм», «Король забавляется», «Близнецов», «Анджело, тирана Падуанского», «Свободный театр», «Собор Парижской богородицы» и многие другие произведения Гюго, в том числе три поэмы.

Одновременно появлялись и другие переводы Гюго: «Бедных людей» перевел писатель и лингвист Лю Баньшун (1891—1934), «Советь» — поэт Дай Ваншун (1905—1950), «Время сева. Вечер» — поэт Лян Цзундай.

Популярность Виктора Гюго в Китае достигла своего апогея в 1935 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти писателя.

В связи с этой памятной датой один из известных современных китайских писателей Мао Дунь опубликовал свои исследования романа «Отверженные» и драмы «Эрнани». Обратился к изучению «Отверженных» и специалист по культуре Франции Шэнь Баоцзи. Кроме того, он составил «Антологию поэзии Виктора Гюго». А вернувшийся в то время на родину после длительного пребывания во Франции Ма Сунжун предложил вниманию читателей свои работы «Французский романист Виктор Гюго» и «Виктор Гюго глазами современного француза». Большое внимание уделяли писателю и наиболее влиятельные газеты страны.

В 1952 г., когда отмечалось столети-

десятилетие со дня рождения Гюго, со статьями, посвященными его творчеству, выступили в печати многие выдающиеся деятели китайской культуры. Поэт, драматург, политический и общественный деятель Го Можо (1892—1972), занимавший в то время пост заместителя председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, отдал долг памяти Гюго в работе «За мир, демократию и прогресс», а Мао Дунь, тогдашний министр культуры, опубликовал статью «Почему китайцы любят произведения Виктора Гюго» и выступил с предложением почтить память великого французского писателя на второй сессии Всемирного совета мира в Вене.

В связи с этой знаменательной датой Пекинская библиотека организовала большую выставку, посвященную жизни и творчеству Гюго. На полках книжных магазинов появилось много книг великого писателя, вышли новые переводы его основных произведений, в том числе романов «Девяносто третий год», «Человек, который смеется», «Отверженные», а также биографические исследования.

С 1976 г. издание произведений Гюго пошло еще более быстрыми темпами: на сегодняшний день разных переводов одного только романа «Отверженные» насчитывается не меньше восьми. В настоящее время готовятся к печати три антологии поэзии Гюго в переводе Вэнь Цзяся, Цзинь Чжипина и Чэн Баою.

В 1981 г. в Чанша, столице провинции Хунань, состоялся всекитайский симпозиум, посвященный творчеству Гюго. В его работе приняли участие сотни преподавателей и исследователей французской литературы. На симпозиум было представлено около 90 докладов; примерно 20 из них были позднее опубликованы в сборнике «Комментарии к литературным произведениям Виктора Гюго».

Видное место среди китайских специалистов, изучающих творчество великого французского писателя, занимает Лю Минцзю. И хотя начата им в 60-е годы исследовательская работа была прервана «культурной революцией», результаты ее тем не менее весьма значительны. Лю Минцзю перевел на китайский язык все литературоведческие труды Гюго и опубликовал их в сборнике «Виктор Гюго о литературе». Кроме того, в монументальном труде «История французской литературы», первые два тома которой уже вышли в свет, ему принадлежит одна из важнейших глав, посвященная творчеству Гюго.

Другой известный китайский литературовед Фэн Ханьцзинь провел специальное исследование поэтики Виктора Гюго, его богатейшего языка.

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1851. Гюго все чаще подвергается критике со стороны консервативного большинства в Собрании. Начинается разлад и в личной жизни Гюго. Жюльетта Друэ узнает об интимной связи своего возлюбленного с Леони Биар; обе женщины настаивают на том, чтобы он сделал окончательный выбор. Подвергаются тюремному заключению его сыновья, выступившие в печати со статьями против смертной казни, в пользу предоставления политического убежища иностранному беженцам. Монархический переворот, совершенный Луи Наполеоном 2 декабря, приводит Гюго на передовой рубеж борьбы. Однако он бессилен перед мощью армии и пассивностью сопротивления. Спустя девять дней Гюго покидает Францию. Он поселяется в Брюсселе и приступает к работе над «Историей одного преступления». В Венеции состоялась премьера оперы Верди «Риголетто» по мотивам пьесы Гюго «Король забавляется».

1852. Перо — политическое оружие писателя. «Чернильница против пушек», — напишет позднее Гюго в письме жене. Работа над «Историей одного преступления» идет полным ходом. Произведения дополняют все новые свидетельства высланных или бежавших с родины французов. Всего несколько недель потребовалось Гюго, чтобы вчерне набросать еще один памфлет — «Наполеон Малый». Бельгийское правительство предупредило Гюго, что, если он опубликует книгу об императоре-президенте, то будет выслан из страны. В начале августа Гюго покидает Брюссель и направляется на остров Джерси; туда же переезжают его семья и Жюльетта Друэ. В один и тот же день издается в Лондоне и поступает в продажу в Брюсселе «Наполеон Малый». Гюго с семьей поселяется на острове Джерси в Марин-Терасс. 29 ноября он произносит

AU PEUPLE.

Art. 68 - La Constitution est confiée à la garde et au patriotisme des citoyens français.

Louis-Napoléon est mis hors la loi.

L'état de siège est aboli.

Le suffrage universel est rétabli.

**Vive la République !
Aux Armes !**

Pour la Montagne réunie
le délégué

VICTOR HUGO.

После государственного переворота, совершеного 2 декабря 1851 г. Луи Наполеоном Бонапартом, Гюго тщетно призывал народ восстать против будущего Наполеона III. Ему пришлось покинуть Францию. Воспользовавшись паспортом, который достала ему Жюльетта Друэ, Гюго под чужим именем выехал в Бельгию.

речь по случаю годовщины революции 1830 г. в Польше.

1853. В Бельгии выходит сборник речей Гюго. На Джерси он одно за другим пишет сатирические стихотворения. Семья Гюго увлекается спиритизмом. Правда, поначалу все отнеслись к этому занятию скептически, но после того, как им удалось «вызвать дух» Леопольдины, всерьез поверили в него и за два года «вызвали» более ста «духов». В ноябре вышло два издания — полное и сокращенное — поэтического сборника «Возмездие». Книга тайно переправляется во Францию.

1854. Гюго пишет множество стихов. Увлечение спиритизмом продолжается. В январе на соседнем острове Гернсей был вынесен смертный приговор преступнику. Это побудило Гюго обратиться к населению острова с призывом потребовать отмены казни как не отвечающей духу времени. Начинается работа над пространной поэмой, получившей в дальнейшем название «Конец Сатаны». По случаю годовщины Революции 1848 г. Гюго произносит полную романтизма и утопических мечтаний речь, в которой утверждает, что создание Соединенных Штатов Европы и, в конечном счете, всемирной республики положит конец нищете и невежеству и даст начало просвещенной и

Фронтиспис Оноре Домье (1808—1879) к циклу стихов «Возмездие». Сокрушенный стихами Гюго, имперский орел низвержен высшей справедливостью.

гармоничной цивилизации. Испанский Комитет общественной безопасности пригласил Гюго переехать в Испанию, и одно время он был склонен принять это предложение. Годовщина восстания в Польше явилась поводом для статьи, осуждающей Крымскую войну.

1855. Умер Абель Гюго, старший брат поэта. Гюго создает ряд блистательных произведений, посвященных годовщине Революции 1848 г., а также стихотворений, многие из которых вошли в поэтический сборник «Созерцания». В октябре с острова Джерси были высланы трое французских политических эмигрантов. Гюго выступил в их защиту, написав декларацию, которую подписали 35 изгнанников из Франции, Германии, Польши, Австрии и Италии. Это привело к высылке с острова Джерси всех политических эмигрантов. Гюго переезжает с семьей на остров Гернсей и поселяется в Сент-Питер-Порт.

Творчество Гюго оказало влияние на многих китайских писателей. Роман «Отверженные» привел, например, Су Маньшу (1884—1918) к идее построения нового мира, чрезвычайно прогрессивной для Китая того времени.

Лу Синя, который, как мы уже говорили, перевел отрывок из романа «Отверженные», особенно привлекал образ Фантины — женщины, «изгнанной даже из трущобы». Он страстно мечтал о том дне, когда люди навсегда покончат с несправедливостью.

Другой известный китайский писатель, Ба Цзинь, испытавший в начале своего творческого пути, как считали, влияние Эмиля Золя, утверждал, что именно Гюго оказал решающее воздействие на его творчество. В эссе «Ба Цзинь о литературе» он пишет: «Полагают, что в Китае наиболее известными и любимыми из французских писателей являются Мопассан и Золя. Со своей стороны мне хотелось бы добавить к этим именам Виктора Гюго и Жан-Жака Руссо». Ба Цзинь считал, что роман «Отверженные» оказал глубокое влияние на его жизнь.

Однако популярность Гюго в Китае не ограничивается лишь кругом «посвященных». Он известен и близок миллионам китайских читателей. Когда в конце 70-х годов на экранах страны демонстрировался французский кинофильм «Собор Парижской Богоматери», у касс кинотеатров выстраивались огромные очереди; восторженно был встречен в Китае и многосерийный телефильм «Мария Тюдор», показанный в 1983 г.

Мы любим Гюго — революционера в литературе, чья драма «Кромвель» (1827) стала триумфом романтической школы, вернув свободу творческой фантазии автора.

Мы ценим Гюго как благородного борца за правое дело, мужественного защитника справедливости. В таких произведениях, как «Наполеон Малый», «История одного преступления» и поэтический цикл «Возмездие», он смело выступает против тирана в защиту республики. В 1859 г. Гюго с презрением отверг дарованное ему Наполеоном III помилование, заявив: «Когда вернется свобода, вернусь и я». Он ступил на родную землю лишь 19 лет спустя, когда бесславно рухнула Вторая империя и была провозглашена республика.

Его благородство воскрешает в памяти другого поэта — Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.), первого из крупнейших китайских поэтов, сложившего голову в борьбе с продажной, реакционной аристократией.

Голос Виктора Гюго набатом звучал в защиту обездоленных и угнетенных. Не следует забывать, что в то время Китай уже более столетия находился под пятой иноземных захватчиков, тер-

Рисунок тушью Виктора Гюго, изображающий китайца перед храмом.

Photo © Bulloz, Paris, Collections de la Maison de Victor Hugo

завших беззащитную страну. Так, английские и французские экспедиционные войска разграбили и сожгли знаменитый Юаньминюань (Летний дворец) — это истинное чудо архитектуры. В те мрачные годы с крошечного островка у побережья Европы, служившего прибежищем изгнаннику, раздался дрожащий от праведного гнева голос, заклеймивший этот акт бандитизма. То был голос Виктора Гюго (см. с. 14).

Для китайского народа имя Виктора Гюго всегда было и остается символом справедливости. Выступая на стороне беззащитных и обездоленных, тех, кто отстаивал право на жизнь, Гюго с присущим ему великодушием распахнул двери своего дома перед мужественными борцами Парижской коммуны. Он неоднократно выступал в сенате за «всеобщую и безоговорочную амнистию» коммунарам, не страшась глумливых нападок жаждавшей мести реакции.

Наконец, в Китае любят и уважают Гюго за демократические и гуманистические идеалы, на утверждение которых направлен весь его титанический труд. Самые лучшие, самые сильные и светлые строки Гюго посвящает униженным и оскорбленным, париям и изгоям — всем тем, кому присуще истинное благородство и великодушие.

Звонарь собора Парижской богематери Квазимодо нечеловечески уродлив, но душа его чиста и прекрасна. У цыганки Эсмеральды — доброе и отзывчивое

сердце, она бескорытна и полна сострадания к людям. Жан Вальжан, осужденный на каторгу за то, что украл кусок хлеба для голодных детей, во всех своих поступках проявляет поразительное мужество и бесстрашие; он — символ надежды человечества на лучший, справедливый мир. А знаменитый Гаврош, этот неутомный и озорной парижский мальчуган, завоевал любовь китайских подростков.

И последнее. Подлинный гуманист Гюго ненавидел войну и был страстным борцом за мир. В этом еще одна причина той удивительной популярности, которую он снискал у китайских читателей.

Сегодня, отмечая сотую годовщину со дня смерти Гюго, китайский народ вместе с французским народом и всеми народами мира воздает великому поэту и гражданину дань восхищения и благодарности.

Гюго будет вечно жить в наших сердцах. ■

ЛИ МЭЙИН (КНР) — профессор французского языка в Пекинском университете. Стажировалась в Ренском университете (Франция). Перевела на французский язык несколько произведений известных китайских писателей, в том числе «Чайную» Лао Шэ и три романа Ба Цзиня — «Дождь», «Туман» и «Осень».

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1856. Гюго пишет большие фрагменты поэмы «Бог». В апреле выходит в свет сборник «Созерцания». Этот цикл стихотворений пользовался грандиозным успехом у читателей, и Гюго, чтобы оградить себя от возможной высылки, впервые в жизни приобретает недвижимую собственность — дом № 38 по улице Отвиль. На перестройку дома по проекту Гюго, осуществлявшуюся под его непосредственным наблюдением, ушло несколько лет. Однако уже осенью его семья смогла справиться с новосельем. Гюго выступает с двумя воззваниями в поддержку борющихся за свою независимость народов Италии и Греции.

1857. Гюго целиком посвящает себя поэзии. Он пишет «малые эпические поэмы», которые позднее вошли в поэтические сборники «Легенда веков», «Революция» и составили значительную часть поэтического цикла «La Pitié suprême».

1858. Жена Гюго в надежде устроить замужество своей дочери Адели уезжает на несколько месяцев в Париж. Но вышло так, что она навсегда покинула Отвиль-Хауз и приезжала туда лишь ненадолго, чтобы навестить семью. Поэт завершает работу над циклом «La Pitié suprême» и стихотворениями «Le Verso de la page» и «L'Apex». В конце июня болезнь прервала работу поэта над «малыми эпическими поэмами», он смог вернуться к ней лишь в начале октября.

Photo © Collections de la Maison de Victor Hugo — SPADEM

Отвиль-Хауз, дом Гюго на Гернсее, который он купил 16 мая 1856 г. на деньги, полученные от публикации «Созерцаний», и в котором прожил до 1870 г. На снимке: фасад дома, выходящий в сад и на море. Оформляя интерьер этого просторного здания, Гюго призвал на помощь весь свой талант. Как говорил его сын Шарль, он

создал «трехэтажный автограф, поэму из нескольких комнат». Наверху виден бельведер, где работал Гюго. Отвиль-Хауз, переданный в дар городу Парижу потомками писателя в 1927 г., практически никогда не перестраивался. Музей открыт для посетителей с апреля по октябрь.

Жан Вальжан мировой литературы

Евгений Евтушенко

Есть писатели, без которых невозможно представить историю литературы. Есть те, без которых невозможно представить историю как таковую. К таким писателям принадлежит Виктор Гюго.

В его романе «Отверженные» есть знаменательный эпизод — бывший каторжник Жан Вальжан, тщательно скрывающий свое прошлое и ставший так называемым «уважаемым человеком», видит телегу, раздавливающую людей, и, сбросив свою респектабельность, поднимает ее печеловеческим напряжением, тем самым выдавая себя и обрекая на узанность. Если мне не изменяет память моего детства, когда я читал этот роман, кажется, именно с этого момента инспектор Жавер заподозривает в Жана Вальжане Жана Вальжана.

Таков был сам Виктор Гюго. Жизнь множество раз подсовывала ему разные варианты академического комфорта, и он искусно прятал свою мятежную сущность под комильфотной «признанностью» и «ассептабельностью». Однако, когда он видел раздавливаемых людей, в нем срабатывал не спасительный инстинкт самосохранения, а великий инстинкт сохранения раздавливаемых. Равный Жаверу по настойчивости расследования, по скрупулезной методической принципиальности профессионала, не гнушающегося опускаться в клоаку Парижа, лишь бы найти искомое, Гюго всегда тем не менее был не на стороне преследующего, а на стороне преследуемого. В нем был своего рода дуализм, нет — в нем был тысячелизм, когда автор одновременно был не только Эсмеральдой и Квазимодо, но и

каждой из химер Нотр Дам де Пари. Гюго, подобно Жану Вальжану, не мог не пытаться поднять телегу, даже если это и выдавало его.

Так он поднимал на своих плечах историю.

Его сентиментальность была сентиментальностью каторжника, купившего маленькой Козетте куклу.

Говорят, что, когда Гюго спросили: «Кто самый лучший поэт Франции?», — он ответил: «К сожалению, Виктор Гюго». Этот ответ тоже был мужеством каторжника.

Гюго упрекают в высокопарности, в мелодраматичности. Доля правды тут есть. Но лишь за спящего в слоне Гавроша можно простить Гюго все. Этим Гаврошем тоже был сам Виктор Гюго. Да, иногда он спал во впечатляющем, но пустом внутри слоне собственной славы, но понимал, что этот слон изъеден мышами, и при выстрелах всегда умел вовремя выпрыгнуть из него, чтобы оказаться на баррикадах. До конца своей жизни он не потерял внутри себя гадена.

Он вправе был сказать в своем стихотворении «Le procès a la révolution» («Суд над революцией») следующие слова: «O juges, vous jugez les crimes de l'aurore» («Что ж, грозный трибунал, суди лучи рассвета»). Это была не только защита революции Франции, но и самозащита. В стихотворении «Надпись на экземпляре «Божественной Комедии» Гюго написал:

*"Puis je fus un lion rêvant dans
les déserts
Parlant à la nuit sombre avec sa
voix grondante.
Maintenant, je suis homme, et je
m'appelle Dante.
("... родился львом, мечтал среди
пустынь,
И ночи сумрачной я слал свой рев
из прерий;
Теперь — я человек;
я — Данте Алигьери")*

Гюго был Данте французской революции. Поэт показал не только романтику ее баррикад, но и, как Жан Вальжан, прошел сквозь ее клоаку, полную эксcrementов и крови.

Да, Гюго был сентиментален. Но обвинение в сентиментальности чаще всего исходит из уст неполноценных людей, лишенных этого великого человеческого качества и втайне завидующих тем, кто им обладает. Человек несентиментальный — это вообще не человек. Излишние слезы ценней патологического неумения плакать.

Кажется, Карлейль сказал: «Большой человек уносит на себе, как Самсон, ворота, которыми хотят его запереть». Таков был Гюго. Презрительное мнение о нем снобов, что его можно читать лишь в «тинейджерском» возрасте, — на самом деле комплимент. Именно в этом возрасте формируется психология человека, и — будем честными сами с собой — разве не все лучшее, что есть в нас, мы впитали, будучи

1859. Гюго в сопровождении старшего сына и Жюльетты Друэ совершает двухнедельное путешествие на остров Сарк. В августе на декрет об амнистии Гюго отвечает декларацией, которую ему удается опубликовать в английской печати. В ней он заявляет: «Когда вернется свобода, вернусь и я». Однако большинство политических эмигрантов возвращается с острова Гернсей на родину. В сентябре опубликована первая часть цикла «Легенда веков» («История, малые эпические поэмы»). Гюго на время отказывается от эпической формы и пишет несколько стихотворений, вошедших в сборник «Песни улиц и лесов», но потом вновь обращается к ней, когда после пятилетнего перерыва возобновляет работу над «Концом Сатаны». Гюго обращается к Соединенным Штатам Америки с призывом спасти жизнь приговоренного к смертной казни борца за освобождение негров Джона Брауна.

1860. Гюго пишет статью в газету «Прогресс», выходившую в столице Гаити Порт-о-Пренсе; в ней он выражает надежду на всеобщее братство: «На земле нет ни белых, ни черных, есть только умы». Продолжается работа над «Концом Сатаны». В апреле после двенадцатилетнего перерыва Гюго опять берется за «Отверженных». В июне он с триумфом возвращается на Джерси по приглашению Комитета, созданного в поддержку Гарибальди, и произносит речь о свободе и освобождении Италии. В Рио-де-Жанейро умирает жирший там в изгнании друг Гюго Рибейроль, бывший член французского парламента. Гюго направляет в Бразилию эпитафию в стихах.

Фронтиспис Гюго к сборнику стихов «Легенда веков».

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1861. Гюго отпускает бороду. В Париже брат его жены, Поль Шене, опубликовал гравюру «Джон Браун», воспроизводящую рисунок Гюго. В конце марта писатель в сопровождении Шарля и Жюльетты покидает остров Гернсей и совершает трехмесячное путешествие по Европе. Сначала он едет в Бельгию, чтобы навестить в Брюсселе жену и дочь, делает остановку близ Ватерлоо и завершает роман «Отверженные». Затем Гюго направляется в Голландию. Шарль решает поселиться на континенте. Гюго публикует три открытых письма, имевших немаловажное значение: первое — в адрес Конгресса Антверпенского художественного, литературного и научного общества по вопросу о праве собственности на произведения литературы и искусства; второе — Объединенной итальянской ассоциации с благодарностью за избрание его членом этой организации и пожеланиями успеха в ее деятельности; третье — капитану Батлеру с осуждением разграбления Летнего дворца в Пекине. Он отдает распоряжение построить на крыше своего дома застекленный рабочий кабинет, который, по словам Гюго, должен был стать его «наблюдательным пунктом».

1862. Гюго направляет в редакции нескольких бельгийских газет письмо в защиту заключенных, осужденных на смертную казнь в Шарлеруа. Его вмешательство способствовало смягчению приговора семи узникам. В своем доме он организует еженедельные бесплатные обеды для детей бедняков. 30 марта в Брюсселе и 3 апреля в Париже началась публикация романа «Отверженные». Однако постановка драмы, написанной Шарлем Гюго и Полем Мерисом по мотивам этого романа, была запрещена французским правительством. В августе и сентябре Гюго путешествует с Жюльеттой по Бельгии и Рейну. Журналисты из многих стран, восторженно встретившие «Отверженных», организовали в Брюсселе банкет в честь Гюго, на котором он выступил с речью и воздал должное свободе печати и ее вкладу в социальный прогресс. Гюго должен был вернуться на Гернсей и потому отклонил приглашение выступить на конгрессе содействия социальным наукам. Однако он направляет в адрес конгресса письмо, опубликованное в брюссельской газете «Le Temps». В нем Гюго сообщает о своем согласии стать членом этой организации и, в частности, заявляет: «Нет ничего более неотложного и срочного, чем

«Одиннадцатилетний Гаврош», рисунок Гюго, изображающий легендарного парижского мальчугана — героя романа «Отверженные».

«Похищение Козетты», иллюстрация Э.-А. Бэйара (1837—1891) к роману «Отверженные». Верный обещанию, которое он дал умирающей матери Козетты, Жан Вальжан находит девочку и забирает ее из семьи Тенардьё, где над ней издевались и родители, и дети.

► именно подростками? Потом мы уже покрываемся коркой психологического отвердевания, теряем талант впитывания.

Есть прекрасные писатели, без которых я вполне могу представить себя как человека. Без Гюго — не могу. В гениальнейшей поэме Маяковского «Облако в штанах» «воют химеры собора Парижской богородицы». Тогда Маяковский еще не бывал в Париже, и, конечно, собор пришел к нему от Гюго. Великое искусство — всегда великое отцовство. Маяковский был одним из детей Виктора Гюго — он тоже был гаменом революции с ощущением на ногах невидимых жан-вальжановских кандалов долга.

У Достоевского на поздних фотографиях — тяжелый каторжный взгляд Жана Вальжана. Неслучайна переключка названий — «Отверженные» у Гюго и «Униженные и оскорбленные» у Достоевского.

Кто-то когда-то назвал литературу «сладкой каторгой». Не очень благозвучно, но точно. Гюго вынес эту каторгу с честью. ■

ЕВТУШЕНКО ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (СССР) — известный советский поэт и прозаик. Автор сборников стихов «Разведчики грядущего» (1952), «Обещание» (1957), «Идут белые снеги» (1964), «Братская ГЭС» (1965), «Казанский университет» (1970) и др. и романа «Ягодные места». Произведения Евтушенко переведены на 72 языка. Он удостоен литературной премии «Золотой лев» (Венеция).

бесплатное и обязательное образование». Призывает жителей Женевы отвергнуть проект конституции, допускающей смертную казнь. В Париже изданы 12 рисунков Гюго в гравюрах Поля Шена с предисловием Теофила Готье, портретом Гюго и его вступительным словом.

1863. В начале года царская Россия подавила восстание в Польше. В журнале «Колокол» публикуется обращение Гюго к русской армии. В Пуэбле, осажденном французскими войсками мексиканском городе, выходящая на двух языках газета ежедневно публикует выдержки из «Наполеона Малого», бесстрашно заявляя захватчикам: «С вами Наполеон, с нами — Виктор Гюго». Гюго в свою очередь публикует страстный памфлет «Война в Мексике». Дочь Гюго Адель оставляет дом и отправляется в Канаду. Жена Гюго после выхода в свет ее книги «Жизнь Виктора Гюго глазами очевидца» приезжает на Гернсей и проводит там десять дней. Летом Гюго и Жюльетта совершают семидневное путешествие по Германии. Писатель начинает работать над трактатом о Шекспире и пишет «Promontorium Somnii».

1864. Опубликован трактат «Вильям Шекспир», посвященный «величайшему

гению всех времен». Гюго получает из Парижа приглашение на торжества по случаю трехсотлетия со дня рождения Шекспира. Было решено, что его место в президиуме будет отмечено пустым креслом. Однако императорское правительство запрещает церемонию чествования Шекспира. Гюго пишет предисловие к новому переводу произведений Шекспира, сделанному Франсуа-Виктором Гюго, и начинает работу над «Тружениками моря». Совершает поездку в Германию, Люксембург и Бельгию.

«13-й год отсутствия, Виктор Гюго, 1864». Возможно, это один из рисунков, которые Гюго называл своими «визитными карточками» и посылал друзьям на рождество.

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

Виктор Гюго в Советском Союзе

Творчество Виктора Гюго настолько популярно в Советском Союзе, что его произведения включены в школьную программу. Каждый советский школьник знает стихотворения «За баррикадами, на улице пустой» («Грозный год», 1872) и «Едва займется день...» («Созерцания», 1856), знаком с приключениями Гавроша и Козетты из «Отверженных» (1862).

Этот роман, впервые переведенный на русский язык в 1882 г., — самое популярное в СССР произведение Гюго. За годы советской власти в педагогических целях было выпущено большое число сокращенных и адаптированных вариантов романа (объемом 30—50 страниц), в частности на языках народов СССР, знакомящих детей с историей жизни Козетты и Гавроша. Над иллюстрациями к «Отверженным» работали известные советские художники, среди которых были Д. И. Митрохин (1923) и Н. И. Альтман (1949).

Другими широко известными в СССР романами Гюго являются «Собор Парижской богородицы» (переведенный в 1866 г., в год его написания) и «Человек, который смеется» (переведенный в 1869 г., в год его публикации на французском языке). Один из лучших переводов романа «Человек, который смеется» принадлежит поэту Б. Н. Лившицу.

Немало великих русских и советских поэтов переводило стихи Гюго. Среди них Ф. И. Тютчев (1803—1873; отрывок из драмы «Эрнани», написанной Гюго в 1829 г.) и В. Я. Брюсов (1873—1924; «Наш век двухлетним был...» из сборника «Осенние листья» и другие стихотворения). А. А. Блок (1880—1921) перевел «Бабушку» (1829), а А. А. Ахматова — стихотворение «К Л...» («Лучи и тени», 1840). Б. Н. Лившиц перевел «Mugitusque Voum» («Созерцания», 1856) и многие другие стихотворения. Многие из поэтического наследия Гюго переведено В. А. Рождественским и П. Г. Антокольским.

Большую роль в популяризации творчества Гюго в Советском Союзе играет музыка. В 1847 г. А. С. Даргомыжский (1813—1869) написал оперу «Эсмеральда», названную по имени героини «Собора Парижской богородицы», а Ц. А. Кюи (1835—1918), член «Могучей кучки», — оперу «Анджело» (1876) по одноименной драме Гюго. Ц. А. Кюи принадлежит также несколько романсов на стихи Гюго, в частности «Старая песня» («Старая песня о молодых днях» из сборника «Созерцания»). Произведения Гюго вдохновляли и других русских композиторов, в том числе С. В. Рахманинова (1873—1943), который написал на его стихи романс «Они отвечали...» («Спросили они...» из сборника «Лучи и тени»).

Материалы для этой статьи любезно были предоставлены Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина.

Живое присутствие поэта

Хосе де Соуса Родригес

Влияние творчества Виктора Гюго сказалося на всех областях культурной жизни Бразилии XIX в. Его произведения привлекли внимание более ста переводчиков. В одном только северо-восточном штате Мараньян было продано свыше 10 тыс. экземпляров «Отверженных». В своей книге «Виктор Гюго в Бразилии» Карнейру Леао пишет, что первое знакомство бразильцев с великим французским писателем состоялось в 1841 г., когда на португальский язык было переведено стихотворение «Madame, autour de vous...» («Мадам, вокруг вас...») из сборника «Осенние листья».

Большинство бразильских писателей испытали влияние Гюго, которого они считали борцом за свободу слова и вечное обновление, защитником социальной справедливости. Но самым блестящим его учеником был, несомненно, молодой поэт-романтик из Баии Антониу де Кастру Алвис (1847—1871), проживший недолгую, но бурную, полную творческих свершений жизнь.

Романтическая натура поэта проявилась уже в детские годы. Его дед, Хосе Антониу да Силва Кастру, был легендарной личностью в Баии. Во времена борьбы за независимость он командовал батальоном «Мария Китерия». Страстным борцом за освобождение был и его дядя. Рассказы о страданиях порабожденных негров, слышанные в детстве от кормилицы, мулатки Леопольдины, впоследствии вдохновили поэта на создание стихотворного цикла «Рабы» — одного из наиболее значительных его произведений. Учитель мальчика, Абилиу Сесар Борхес, угадал в своем ученике талант и начал обучать его английскому и французскому языкам, дав тем самым ему возможность познакомиться с творчеством великих европейских поэтов, таких, как Байрон и Гюго.

Конечно, на творчестве Кастру Алвиса, особенно на его поэзии, сказалося влияние не одного писателя. И все-таки никто не оказал на молодого, восприимчивого поэта столь глубокого воздействия, как Гюго, духовную близость с которым он так рано ощутил. Кастру Алвис перевел многие поэтические произведения великого француза, посвящая ему свои стихотворения.

В своих драматических произведениях Кастру Алвис пользовался основными принципами романтической драмы, сформулированными Гюго, что особенно заметно в пьесе «Гонзага, или Революция в Минас», навеянной подвига-

ми борцов за независимость, вдохновлявшими многих поэтов XVIII в. Эта пьеса, представляющая сегодня чисто исторический интерес, стала заметной вехой в истории бразильского театра. Если учесть, что до ее появления в Бразилии не было устоявшейся театральной традиции, становится понятным, сколь велик вклад Гюго в формирование бразильской драматургии, которая и после XIX в., продолжая развиваться и набирать силу, ощущала на себе его всеобновляющее влияние.

Творчество Гюго дало новый импульс и бразильской поэзии, особенно в области формы. Его стиль, полный творческой дерзновенности, неожиданных метафор и ярких образов, словесный магнетизм его поэзии космогонической поэзии, не укладывающейся ни в какие классические нормы, составляет основу литературного направления, наиболее выдающимся представителем которого был Кастру Алвис. Историк Капистрану де Абреу назвал это направление «кондорской школой», сравнив его последователей с кондором — легендарной у народов Южной Америки птицей, способной парить над самыми высокими вершинами Анд.

В творчестве Кастру Алвиса дух «кондорской школы» с особой силой проявился в его поэтическом сборнике «Рабы» — страстном обличении порабощения негров в Бразилии. Вошедшая в него поэма «Невольничий корабль» вызвала восторг публики, собравшейся 7 сентября 1868 г. в Литературном лицее послушать ее в исполнении автора. Влияние Гюго чувствуется в ней сразу: необузданная фантазия, яркая образность, величественность и мягкость. Своим активным обличением рабства молодой порт-романтик из Баии звал народ к действию.

*Иль это Дантов ад? Откуда эти крики?
Фонарь бросает призрачные блики,
И кровью залит юг.
Оковы лязгают... и бич стрекочет...
А люди с лицами чернее ночи
Танцуют и поют.
Вот пляшет женщина, к груди прижав ребенка.
И в темный рот его сочится тонко
Не молоко, а кровь.
Вот полуголые, испуганной толпой,
Метнулись девушки, объятые тоскою,
И мчатся вновь и вновь!
(Перевод И. Тыняновой)*

Photo taken from «Victor Hugo, dessins et lavies» © Editions Hervas, Paris

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1865. Умирает невеста Франсуа-Виктора — Эмили де Пютрон. Франсуа-Виктор покидает Гернсей. Отец произносит надгробную речь на похоронах Эмили. Гюго выступает с несколькими публичными заявлениями против смертной казни, дает согласие на участие в Комитете по сооружению памятника Чезаре Беккарии в Италии; пишет письмо гонфалоньеру Флоренции по поводу шестисотлетия со дня рождения Данте. В июне он сочиняет одноактную комедию «Бабушка». Затем отправляется с Жюльеттой в четырехмесячное путешествие по Европе. Гюго обращается с письмом к Льежскому конгрессу студентов, в котором заявляет, что братство по учебе приводит к братству людей. В Брюсселе и Париже опубликован поэтический сборник «Песни улиц и лесов». Гюго заканчивает роман «Труженики моря». Шарль Гюго женится на Алисе Леазен.

1866. Роман «Труженики моря» выходит в свет. Гюго посвятил его острову Гернсей — «моему нынешнему убежищу — быть может, моей будущей могиле». Он пишет мелодраму «Вознаграждение — тысяча франков» и одноактную комедию «L'Intervention». Летом проводит два месяца в Брюсселе, где встречается с женой и сыновьями, и приступает к новому роману — «Человек, который смеется». Он работает также над предисловием к «Парижскому путеводителю» — сборнику статей, намеченному к изданию в связи с Всемирной выставкой. Публикует открытое письмо в ответ на обращение жителей Крита, восставших против турков. Гюго избирается почетным членом комитета содействия Польше.

1867. Гюго вновь обращается с письмом к народу Крита, а также к Англии по поводу борьбы Ирландии за независимость. Сочиняет комедию в двух актах «Mangeront-ils?», пишет статью о Париже, предвещая ему величайшее будущее, когда в XX в. он станет столицей объединенной Европы, а в последующем — столицей объединенного человечества. Он обращается к президенту Мексиканской республики Бенито Хуаресу с просьбой сохранить жизнь императору Максимилиану, проявив тем самым «милость Республике». Ведет переписку с одним португальским гражданином по поводу отмены в Португалии смертной казни. Переписка была опубликована в «Le Courrier de l'Europe». Гюго направил письмо участникам конгресса Лиги мира в Женеве. Провел три месяца на континенте, сначала с семьей в Брюсселе, где он впервые увидел своего первого внука Жоржа, а

Голова объятаго ужасом человека. Один из серии рисунков, выполненных Гюго в 1864—1869 гг.

затем в голландской провинции Зеландии. Отдельной книгой под названием «Голос Гернсея» издаются стихотворения, обращенные к Гарибальди после его поражения у Ментаны. Гюго пишет письмо гражданам Республики Пуэрто-Рико, в котором провозглашает: «Свобода мира состоит из свободы всех входящих в него народов».

1868. Письмо Гюго с обращением к Лиге мира и свободы опубликовано в Вашингтонской газете «Паблик опинион». Он пишет также письмо патриотам Венеции по поводу перенесения из Лондона на родину останков Манина. Умирает Жорж Гюго. Виктор Гюго проводит два месяца в Брюсселе. Появляется на свет его второй внук, которого также нарекают Жоржем. Умирает жена Гюго. Гюго сопровождает траурный кортеж до французской границы. Завершен роман «Человек, который смеется». По случаю падения монархии в Испании Гюго направляет два письма народу этой страны.

1869. Гюго пишет пьесы «L'Erée», «Les Deux Trouvailles de Gallus» и «Торквемада», вошедшие позднее в сборник «Свободный театр». Он призывает Америку поддержать Крит и председательствует на конгрессе интернациональной Лиги мира и свободы в Лозанне. В течение нескольких недель путешествует по Швейцарии, проводит месяц в Брюсселе, где в это время появляется на свет его внучка Жанна. Опубликован «Человек, который смеется». Гюго обращается с письмом к председателю Американского комитета в Лондоне по поводу филантропа Джорджа Пибоди. С новыми силами берется за сочинение стихов.

Фронтиспис Ашиля Девериа ко второму варианту романа Гюго «Бюг-Жаргаль» (1826).

Подобно Гюго, выступавшему на стороне обездоленных и несчастных, Кастру Алвис стал выразителем революционных идей своего поколения. Идя по стопам мэтра, он обращается в поэме «Век» к теме борьбы за великие идеалы, занимавшей умы мыслителей того времени (пишет он, в частности, и об изгнании Виктора Гюго). В его стихах отчетливо слышится отзвук подлинного гуманизма, который наполнял душу поэта, творившего на Гернсее.

Это стремление подражать Гюго становится понятнее, если вспомнить, что в конце XVIII — начале XIX в. Бразилия испытывала болезни роста, которые свойственны любому молодому государству, особенно в области политики и права. Такие животрепещущие проблемы, как борьба за независимость, освобождение рабов, война с Парагваем, государственный суверенитет и равенство народов обсуждались во всех уголках страны.

Большинство молодых людей видело в Гюго — этом избраннике народа, депутате Национального учредительного

собрания от города Парижа — вождя и пророка, защитника свободы и справедливости. Его выступления в Национальном собрании и полные гуманистических идей трактаты вызывали огромный интерес.

Имя Виктора Гюго навсегда связано с начавшейся в прошлом веке борьбой бразильского народа за освобождение человека и равноправие. Его живое присутствие ощущается здесь и ныне.

ХОСЕ ДЕ СОУСА РОДРИГЕС (Бразилия) — атташе по культуре Постоянного представительства Бразилии при ЮНЕСКО. Вышший профессор Католического университета в Рио-де-Жанейро и атташе по культуре посольства Бразилии в Перу. Автор ряда работ, в том числе «Concretismo» (1978), очерка, посвященного визуальной поэзии в Бразилии, и «El grabado en el Brazil: grabadores populares» (1978), исследования народного искусства гравировки в Бразилии.

Иллюстрация Жоржа Рюисросса (1859—1938) к главному эпизоду романа Гюго «Человек, который смеется» (1869). Гуинплен, герой романа, проданный в детстве котляричкосам, которые изуродовали его, заставив носить маску вечного смеха, обличает в палате пэров социальную несправедливость под издевательскими взглядами своих коллег.

Photo © Bulloz, Paris, Collections de la Maison de Victor Hugo

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1870. В ответ на просьбы кубинцев выступить в их защиту Гюго пишет воззвание «О Кубе», в частности письмо «К женщинам Кубы». Появляются все новые и новые стихи, возникает замысел книги «Четыре ветра духа». В июне сын Гюго, Шарль, приезжает с семьей в Отвиль-Хауз. В ожидании падения империи Гюго с Жюльеттой 15 августа покидают Гернсей и перебираются в Брюссель, где с нетерпением ждут известий из Парижа. 4 сентября была провозглашена Республика. 5 октября Гюго после почти 19 лет изгнания возвращается на родину и сразу же направляет свое перо против иноземного врага. Он обращается с воззваниями к немцам, французам и парижанам. Выходит в свет первое французское издание поэтического сборника «Возмездие», а сборы от публичных чтений этого цикла направляются на оборону Парижа и оказание помощи жертвам войны. Под впечатлением последних событий Гюго приступает к работе над новой книгой стихов — «Грозный год».

1871. В январе между Францией и Германией заключено перемирие. В феврале состоялись выборы в Национальное собрание. Гюго избран депутатом и, не теряя ни минуты, едет в Бордо, чтобы принять участие в сессии Собрания. Три недели спустя, за выступление в дебатах по вопросу о законности избрания Гарibaldi, Гюго подвергли грубой обструкции, и он вынужден был отказаться от депутатского мандата. Внезапная смерть сына Шарля заставляет Гюго вернуться в Париж, где в тот же день начинается восстание коммунаров. Гюго едет в Брюссель, чтобы привести в порядок дела умершего сына. Кровавая расправа над коммунарами привела его в ужас, и он предлагает свой дом в качестве прибежища борцам Коммуны. В день, когда Гюго сделал это заявление, на его дом было совершено нападение, а затем Гюго был выслан из Бельгии. Он и его близкие пытаются найти прибежище в Люксембурге и в конце концов обосновываются в Виандене. Поэтический цикл «Грозный год» пополняют все новые и новые

Визит императора

«...Этот человек — не просто государь, он — дух», — так писал в одном из своих писем (1877) Виктор Гюго о втором и последнем императоре Бразилии Педру II, другом и почитателем которого он был.

Дон Педру де Алкантара (1825—1891), философ, воспитанный на идеях французских мыслителей, правил почти полвека (1840—1889). В 1888 г. в Бразилии было отменено рабство, страна переживала период социального и экономического подъема. Педру II, еще в молодости познакомившийся с творчеством Гюго, считал его великим французским писателем. Гюго в свою очередь питал дружеские чувства к этому просвещенному монарху, во время правления которого Бразилия стала убежищем для многих французских изгнанников.

По поводу смерти одного из них, Шарля Рибейроля, Гюго послал с Гернсея своим бразильским друзьям письмо, в котором писал: «Вы люди возвышенных чувств, вы — щедрая нация. У вас двойное преимущество — вы живете на неизведанной земле и являетесь потомками древней цивилизации...»

Педру II часто бывал в Париже. 22 мая 1877 г., десять дней спустя после выхода в свет «Искусства быть дедом», сборника лирических стихов, которые Гюго посвятил своим внукам — Жоржу и Жанне, император нанес визит великому поэту. Об этой встрече Гюго пишет в опубликованной после его смерти книге «Что я видел»: «Говоря о королях и императорах, он сказал: «Мои коллеги». В какой-то момент он произнес: «Мои права...» Потом поправился: «У меня нет прав, у меня только власть, данная мне волею случая. Мне надлежит использовать ее на благо прогресса и свободы!»

Когда вошла Жанна, он сказал мне: «У меня есть одно желание. Представьте меня, пожалуйста, мадемуазель Жанне».

Я сказал внучке: «Жанна, представляю тебе императора Бразилии». Девочка не нашлась, что сказать, и только проормотала: «Он одет не по-императорски». «Поцелуйте меня,

мадемуазель», — сказал ей император. Она подставила ему щеку. «Смелее, Жанна, — попросил он, — обними меня».

...Он говорил так серьезно и разумно, что, прощаясь, я сказал ему: «Сир, Вы великий гражданин».

Еще одна деталь. Представляя ему Жоржа, я сказал: «Сир, представляю Вашему Величеству моего внука». Он обратился к Жоржу: «Дитя мое, здесь есть только одно величество — Виктор Гюго».

Photo © Bulloz, Paris, Collections de la Maison de Victor Hugo

Виктор Гюго со своими внуками — Жоржем и Жанной. Снимок сделан А. Меландри в 1881 г. Отец детей, старший сын великого писателя Шарль Гюго (1826—1871), в 1865 г. женился в Брюсселе на Алисе Леазн.

стихи. В конце сентября, узнав, что Анри де Рошфор приговорен к смерти, Гюго спешит в Париж, чтобы просить помиловать его и других коммунаров.

1872. Дочь Гюго Адель теряет рассудок. Ее привозят в Париж и помещают в лечебницу, где она прожила до 1915 г. Опубликован сборник речей и открытых писем, озаглавленный «Дела и речи, 1870—1872». Вслед за ним выходит в свет «Грозный год». В мае жители Рима обращаются с посланием к народу Франции. Гюго пишет «Ответ римлянам». Он направляет также письма председателю Общества светских школ и главному редактору журнала «Будущее женщин», призывая их поощрять женское движение. Он адресует участникам конгресса мира в Лугано письмо «Будущее Европы». Гюго возвращается на Гернсей и начинает писать новый роман «Девяносто третий год».

1873. Во время своего пребывания на острове Гернсей Гюго сблизился с Бланш Ланвен. Это была последняя большая любовь в его жизни. Гюго пишет стихи, заканчивает первый вариант романа «Девяносто третий год» и после почти годичного пребывания на острове возвращается во Францию. В декабре умирает его сын Франсуа-Виктор.

1874. Опубликован роман «Девяносто третий год». Гюго заканчивает и издает «Mes Fils» («Мои сыновья»). Пишет письмо по поводу пятидесятилетия со дня смерти Петрарки, письмо участникам Женевского конгресса мира и письмо итальянским демократам. В этом году написано много поэтических произведений.

Женщина в плаще и шляпе с перьями.
Рисунок Гюго.

Photo © Musées de la Ville de Paris — SPADEM, 1985

В гостях у Гюго

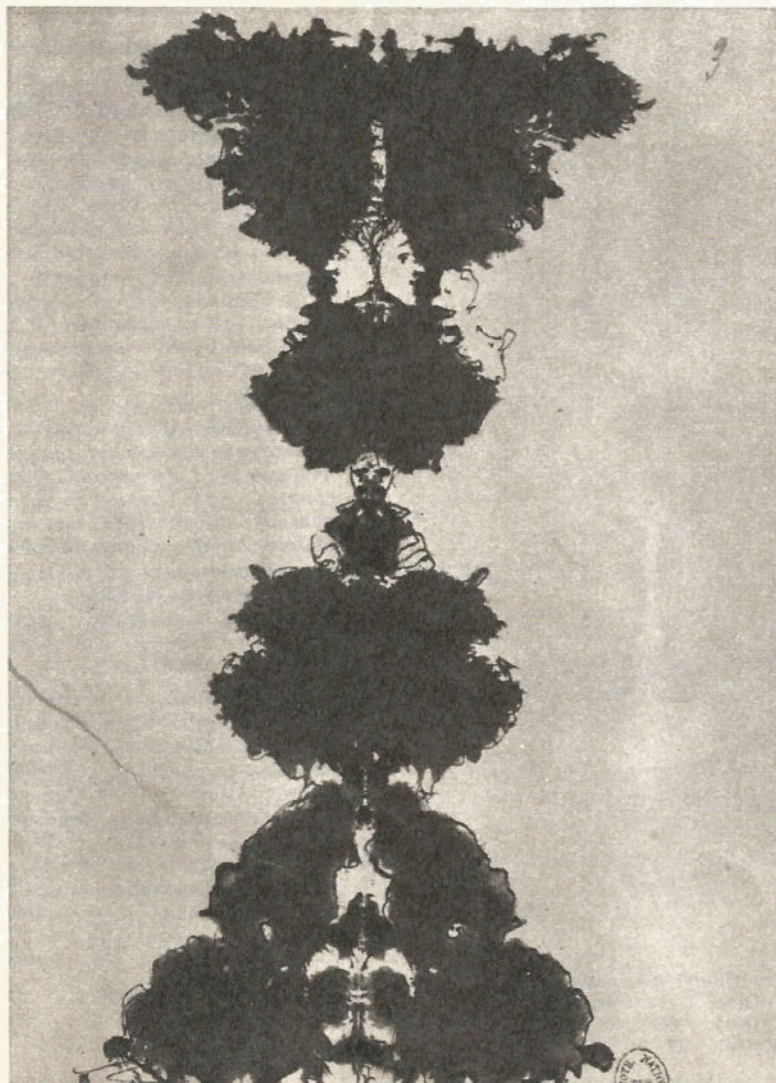

Photo © Bibliothèque Nationale, Paris, Département des Manuscrits

Рубен Дарио

Недавно я посетил музей Виктора Гюго в доме на площади Вогезов в Париже, где некогда он жил. Интересно было узнать, бываю ли в этом храме поклонники его таланта. Музей был создан благодаря неустанным заботам и энтузиазму Поля Мериса, движимого чувством восхищения, любви и уважения к своему другу и учителю. Однако в стремлении не упустить ни единой детали, связанной с жизнью мэтра, Мерис слишком увлекся, вызывая справедливую критику за такие, например, экспонаты, как «коренной зуб Виктора Гюго, удаленный такого-то числа». Правда, сам я этот пресловутый зуб не видел.

В прихожей стоит бюст великого поэта. Стены вдоль лестницы увешаны картинами, изображающими сцены из его пьес, поэм и романов, а также из его собственной жизни. За ними следуют бесчисленные иллюстрации, выполненные Ж. Рошгроссом, Л. Буланже, Ж.-П. Лорансом и другими художниками, фотографии, карикатуры — целая живописная эпопея жизни поэта с юных лет до глубокой старости. Завер-

Кляксография на бумаге, выполненная Виктором Гюго около 1850 г. Симметричный оттиск получен путем складывания листа бумаги, а затем дорисован пером. В центре — бюст и две головы в профиль. Гюго увлекался кляксографией еще до изгнания и не оставлял ее до конца своей жизни.

► шают галерею фотографии гения, сделанная Ф. Надаром, и полотно Л. Бона, запечатлевшее Виктора Гюго на смертном одре. Есть в музее и обычные витрины с экспонатами: академическими мантиями, платьем пэра Франции, шляпой, прекрасной тростью в футляре с надписью «Выдающемуся Виктору Гюго от Бенито Хуареса».

Здесь можно увидеть медали, гусиные перья, адресованные поэту письма знаменитых людей, кусочек хлеба времен осады Парижа и даже коробку с длинными прядями волос, как бы символизирующими этапы жизненного пути поэта.

Золотые кудри ученика мадридского колледжа для молодых дворян; потемневшая прядь автора «Эрнани», молодого и блестящего основоположника романтизма; тронутые сединой волосы борца, участника бурных дебатов в палате депутатов в эпоху политического брожения; почтенные седина автора «Грозного года», «Возмездия» и «Искусства быть дедом», патриарха, верховного жреца поэзии, всеми признанного гения, чья смерть потрясла мир и над бранными останками которого скорбно застыл весь Париж, склонившись под сенью величественной Триумфальной арки.

Вот на столике — четыре чернильницы с гусиными перьями, принадлежавшими Ламартину, Дюма-отцу, Жорж Санд

и самому хозяину дома. Гюго любил мастерить разные причудливые вещицы; он делал «китайские» и «японские» безделушки задолго до того, как братья Гонкур ввели моду на предметы восточной культуры. Есть в музее и каминная доска, отделанная Гюго в восточном стиле, и несколько панелей, искусно раскрашенных и позолоченных им самим.

Здесь можно увидеть причудливые фигурки мандаринов, китайские жанровые сценки, фантастических животных, разъяренных драконов, комически изображенных обитателей Небесной империи, дикие цветы, украшенные линиями и узорами игральные доски, причем некоторые из них многоцветные, выполненные техникой выжигания по дереву, что свидетельствует о большой изобретательности их создателя. Повсюду множество картин и портретов. Но привлекают внимание прежде всего графические работы самого Гюго.

Если бы какой-нибудь художник задался целью осмыслить истинное значение графического наследия великого поэта, его труд стал бы бесценным приобретением для наших библиотек.

Именно в этих рисунках во всей полноте раскрывается выдающаяся личность поэта-пророка. Только у Тернера, Блейка и в некоторых работах Пиранези можно найти такое упоение фанта-

Столовая в китайском стиле, придуманная и созданная Виктором Гюго для Отвиль-Феери, дома Жюльетты Друэ на Гернсее, оформлением которого он руководил. Деревянные панно украшены сюжетами, выжженными и нарисованными самим Гюго. Сейчас они находятся в бывшей парадной гостиной дома на площади Вогезов, где жил писатель с 1832 по 1848 г. В 1903 г. усилиями близкого друга Гюго, поэта Мериса (1820—1905), этот дом был преобразован в музей жизни и творчества Гюго.

стическим и таинственным, такой вечный и возвышенный романтизм, которым проникнуты рисунки Гюго. Руины, фантастические замки, роскошные восточные дворцы из «Тысячи и одной ночи», любопытные конструкции, напоминающие пирамиды, мрачное небо, мертвенный лунный свет, ночные кошмары, причудливые тени и яркие вспышки света, сказочные чертоги, восхождение прошлого, предвкушение будущего, мир фантазии, призраков, ужаса, гротеска, арабески, скрытый лик искусства — все это воплощено в живописных работах великого Гюго. На величественном фасаде его литературного труда теряются узоры и завитки, которые он с таким удовольствием выводил пером в минуты отдыха, пользуясь вместо чернил всем, что попада-

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1875. Гюго пишет письмо «Обществу борьбы за улучшение положения женщин», в котором говорит: «Половина человечества живет за пределами равенства, поэтому необходимо восстановить ее права». Гюго возвращается на остров Гернсей и в течение недели собирает оставленные там записи, досье и рукописи. Вышли в свет два первых тома сборника «Дела и речи», озаглавленные «До изгнания» и «Во время изгнания». Гюго пишет письмо конгрессу мира.

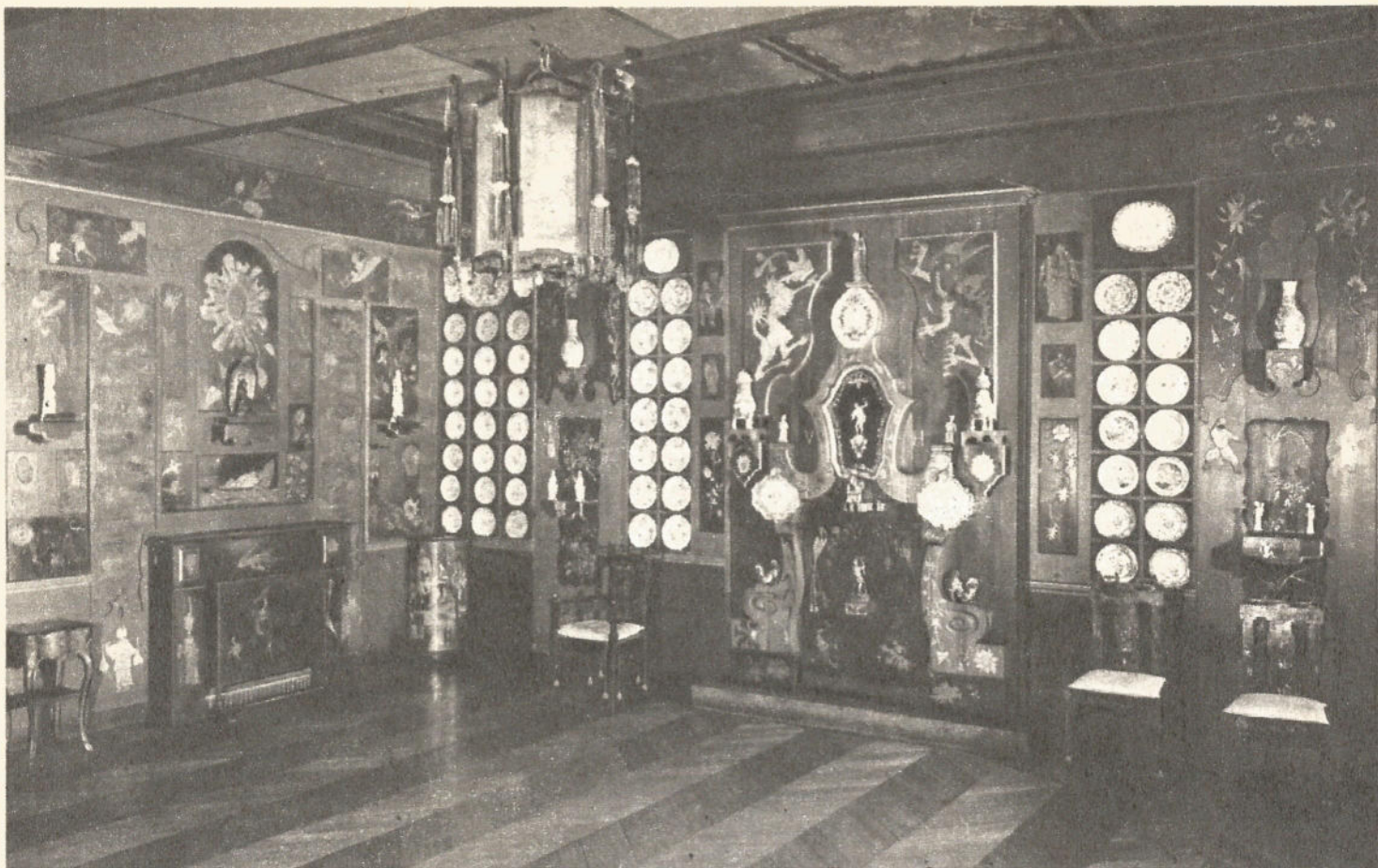
1876. Гюго избран в сенат; ведет активную борьбу за амнистию коммунарам. Произносит речь, посвященную Филадельфийской выставке. Опубликован последний том сборника «Дела и речи», озаглавленный «После изгнания». Пишет воззвание «В защиту Сербии», осуждая в нем учиненную турками резню. Пишет письмо конгрессу мира в Женеве. В Милане состоялась премьера оперы Понкьелли «Джоконда» по мотивам драмы Гюго «Анжелло».

1877. Опубликовано новое издание «Легенды веков». Вдова Шарля выходит замуж за Эдварда Локроя. Гюго по-прежнему живет в окружении своих внуков. Вышел в свет поэтический сборник «Искусство быть дедом», посвященный Жоржу и Жанне. Гюго возобновляет работу над «Историей одного преступления», прерванную во время первой ссылки, и публикует первый том этого произведения. Гюго пишет письмо по случаю годовщины Ментаны.

1878. Выходит второй том «Истории одного преступления». Опубликовано стихотворение «Папа». Гюго произносит

«Тото-победитель», рисунок Виктора Гюго (1832). Ласковым прозвищем Тото поэт называл своего младшего сына Франсуа-Виктора, родившегося в 1828 г.

Photo © Bulloz, Paris. Collections de la Maison de Victor Hugo

V. H.

Photo © Editions Paris Musées / Bibliothèque Nationale

речь «Столетие со дня смерти Вольтера». На международном литературном конгрессе Гюго произнес вступительную речь и сделал заявление по вопросу литературной собственности. В конце июня у поэта произошло кровоизлияние в мозг, заставившее его фактически навсегда расстаться с творческой деятельностью. Оправившись от болезни, Гюго с семьей проводит четыре месяца на Гернсее.

1879. Опубликовано «La Pitié suprême», Гюго продолжает выступать в защиту коммунаров и добивается для осужденных частичной амнистии. В мае он председательствует на банкете по случаю отмены рабства и произносит речь, посвященную Африке. Гюго посещает Вилькье, где похоронены его жена и дочь Леопольдина.

1880. Опубликовано книга Гюго «Религии и религия». Он выступает с речью по поводу трехсотлетия Камозиса, произносит еще одну речь в сенате с требованием полной амнистии коммунарам. На этот раз закон об амнистии был принят. В августе Гюго председательствует на церемонии, посвященной юбилею общества по оказанию содействия начальному обучению, и произносит речь о начальном образовании, в которой отдает особое предпочтение светской школе. Опубликовано «L'Apes».

Осел, нарисованный Гюго. Сверху подпись: «Так все же, что происходит после смерти?» В своей поэме «Осел» (1880), состоящей из 3000 строк, Гюго как бы под микроскопом рассматривает философию и естественные науки.

лось под руку: углем, кофе с молоком, обгорелым фитилем свечи.

В музее можно увидеть портреты внуков на каминной плите, конторку, за которой Гюго, всегда поднимавшийся рано, работал стоя по утрам, постель, на которой он умер. Все здесь проникнуто величием мэтра.

Посетителей немного — один-два иностранца, отец, тихо рассказывающий сыну о разных предметах и документах, несколько рабочих (сегодня воскресенье), два художника, по виду немцы, делающие наброски в зале с рисунками.

Выйдя из спальни Гюго, я увидел на столе под стеклом документ. В нем поэт заявляет о своей принадлежности к партии, которой еще нет, но которая, по его утверждению, обязательно возникнет в XX в. Целью этой партии, считал Гюго, будет создание сначала Соединенных Штатов Европы, а затем Соединенных Штатов Мира. Более полно эти взгляды изложены им в некоторых публицистических произведениях, особенно в работах, посвященных Парижу. Не будем забывать, что Гюго был скорее великим Мечтателем, нежели Мыслителем. ■

РУБЕН ДАРИО (Никарагуа) — настоящее имя Феликс Рубен Гарсия Сармьенто (1867—1916). Поэт, журналист и дипломат. Основоложник испано-американского модернизма, один из ведущих авторов испаноязычной литературы. Среди его работ — сборники «Лазурь» (1888) и «Песни жизни» (1905). Много путешествовал, писал блестящие статьи для газеты «Насьон», издававшейся в Буэнос-Айресе. В 1906 г. был опубликован сборник его статей под заголовком «Opiniones», откуда и взят этот текст. С 1900 по 1914 г. почти все время жил в Париже. В своем творчестве испытал значительное воздействие Виктора Гюго.

Photo © The City of Paris Victor Hugo Exhibition, 1985

Фотография Гюго, сделанная в 1878 г. Надаром (псевдоним французского мастера фотоискусства и писателя Феликса Турнашона, 1820—1910).

Огромные толпы людей собрались 1 июня 1885 г. у Триумфальной арки, чтобы проводить в последний путь великого поэта. На похоронах присутствовали делегации из многих стран. Как завещал Гюго, гроб с его телом был перевезен в Пантеон на бедняцких дорогах.

Photo © The City of Paris Victor Hugo Exhibition, 1985

Жизнь и творчество Виктора Гюго

1881. Семьдесят девятая годовщина со дня рождения Гюго вылилась в широкое всенародное празднество: сотни тысяч людей прошли в тот день мимо окон поэта, приветствуя юбиляра. Вышел в свет сборник «Четыре ветра духа». Гюго присутствует на премьере пьесы Поля Мериса, написанной по мотивам романа «Девяносто третий год».

1882. Издана пьеса «Торквемада».

1883. Умирает Жюльетта Друэ. Вышло в свет новое издание сборника «Созерцания». Летом Гюго со снохой и внуками совершает поездку по Швейцарии. Опубликована статья «Ламаншский архипелаг», которая ранее была задумана как предисловие к роману «Труженики моря». Это последняя работа Гюго, изданная при его жизни.

1884. В марте Гюго написал обращение в связи с отменой рабства в одном из штатов Бразилии, в апреле — направил письмо участникам банкета по поводу годовщины независимости Греции. В мае Гюго присутствовал на концерте, во время которого был исполнен «Гимн Виктору Гюго» Сен-Санса; дирижировал сам композитор. В сентябре в Вель-ле-Роз Виктор Гюго последний раз в жизни видел море. В ноябре он посетил мастерскую Бартольди, который в то время работал над статуей свободы, предназначенной для Нью-Йорка.

1885. 22 мая после непродолжительной болезни Виктор Гюго скончался. Франция торжественно проводила в последний путь своего великого поэта. После смерти Гюго осталось множество неопубликованных произведений. Большинство из них изданы в настоящее время (сто лет спустя). ■

ЭВЕЛИН БЛЮЕР (США) — занимается изучением жизни и творчества Виктора Гюго. Окончила Йельский университет, училась также во Франции. Редактировала избранные письма Жюльетты Друэ Виктору Гюго, опубликованные в 1985 г. под заголовком «Письма Виктору Гюго», а также — совместно с Жаном Годоном — «Конец Сатаны» Гюго (1984).

Карамба!

Северо Сардуи

Виктор Гюго — это не просто имя, за которым следуют две даты в скобках, не просто два слова, звучащие наподобие детской погремушки или крошечного бубна в руках проказника-эльфа. Что оставил после себя этот enfant sublime, златокудрый юнец с насмешливым взором, в безупречно сшитом жилете, этот гомеровский патриарх, держащий на коленях двух толстощеких малышек, чопорных, как механические куклы?

Отточенный до совершенства стиль? Но, чтобы создавать шедевры, не обязательно быть блестящим стилистом. Техническое совершенство нынче не в цене.

Дух гуманизма и свободы? Сегодня власть имущим не до лингвистических тонкостей: кто из нас не знает, что словарь Гюго, приукрашенный словесными завитушками, достойными дешевой оперетки, послужил материалом для создания многих государственных гимнов, пронзительная музыка которых заглушает крики в камерах пыток.

Остается одно — не совершенство стилиста, не лирическая сила поэта, а неутолимая жажда бунта, страстный взрыв негодования.

В высокопарном слого Гюго сквозит гнев, богохульство, звериный вопль. Слова обретают плоть, искрометность сменяется резкостью, сродни Полю Клоделю; лепет идеалиста тонет в язвительных речах, льющихся, как в «Селине», неукротимым потоком; на страницах литературных произведений бьется живой пульс истории. Да, Виктор Гюго был кумиром целого поколения буржуазии, но в то же время его слова, подобно стихам Лукреция, звали к свободе, срывали маски, разъедали то, что, казалось бы, он должен был поддерживать.

Нет больше былого бунтарского духа. Все наши писатели — организованная, безликая, отживающая масса.

Карамба! Какая жалость!

СЕВЕРО САРДУИ (Франция) — писатель, автор нескольких романов, стихотворений и очерков, включая «Собра» (1972) и «Ваггосо» (1972). Его новый роман «Колибри» выйдет в свет в 1986 г.

Рисунок с подписью Виктора Гюго. Подпись гласит: «Разжалованная птица, чье стрекотанье подвело ведьму».

Медаль Виктора Гюго

В ознаменование столетия со дня смерти Виктора Гюго ЮНЕСКО выпустила памятную медаль (автор — французская художница Л.-Ж. Курруа). На аверсе медали, отчеканенной на Парижском монетном дворе из золота, серебра и бронзы, портрет Виктора Гюго в возрасте 50 лет и надпись «В. Гюго, 1802—1885, ЮНЕСКО 1985». На реверсе — изогнувшееся под порывами ветра дерево и надпись «Свободу спасает братство» — слова, сказанные Гюго по возвращении в Париж из изгнания в 1870 г.

«Курьер ЮНЕСКО» в 1985 году

ЯНВАРЬ

Рисовые цивилизации. Чудесный дар природы (М. С. Свамнатхан). Рис в мифах и легендах (Тарэ Обаяси). Понгаль (Ги Делери). Зеленые зимы на Красной реке (Дао Тхе Туан). Город, выросший на рисе (Ш. Валлибхотама). Рис наш насущный (Б. В. Андрианов).

ФЕВРАЛЬ

Вода. Вода и человек (Г. В. Воропаев). Засуха в Африке. Угроза продвижения пустыни (М. Скури). Управление мировыми водными ресурсами. Кислотные дожди. Водное богатство древнего государства Шри Ланка (А. Гуруге).

МАРТ

Память человечества. Библиотеки и архивы. Завтрашний день библиотек и архивов (Дж. С. Паркер). Урегулирование спорных вопросов (Ш. Кескемети). Современный подход к сохранению и изучению литературного наследия (Л. С. Сенгор). Научные библиотеки в США (Р. Даферти). Архивы и обучение в школе (Э. Франц). Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Краткие сведения об архивах и библиотеках.

АПРЕЛЬ

Город XXI века. «Жилище завтра». Архитектура и город (К. Танга). Город 2000 года (О. Нимейер). Меняющийся облик Каира (Х. Фатхи). ЮНЕСКО и сохранение Старого Каира. Бурный рост городов. Возвращение к традициям (Ж. Детье).

МАЙ

Женщины. Традиции и перемены. Женщины Средиземноморья (Н. Гёле). Проблемы женщин Латинской Америки (Л. Футорански). Женщины в условиях апартеида (К. Флеппи). И. С. Бах (А. Бассо). Нильс Бор (Дж. Гриббин). ЮНЕСКО и сохранение фольклора. Бартоломе де Лас Касас (С. Савала).

ИЮНЬ

Сорок лет победы. Мир и человеческие ценности (А.-М. М'Боу). Уничтожение культуры — первый шаг к геноциду (Ф. В. Грюнфельд). Необычное хранилище (Андре Мальро). Спасение сокровищ Британского музея (Г. Плендерлейт). Эрмитаж в дни блокады Ленинграда (Б. Пиотровский). Можно ли спасти цивилизацию? (Ю. Я. Киришин). Программа обеспечения мира (Г. Н. Сато). ЮНЕСКО: рождение идеала. Новая надежда в ядерный век (Л. Томас). «Ядерная зима». ЮНЕСКО и исследование проблем мира.

ИЮЛЬ

Молодежь 1985. В поисках настоящего (Э. Халиффе). Первая работа. Международная анкета «Курьера ЮНЕСКО». Самый обычный день... В объективе — молодежь. Дети улицы (М. Фолл). Драгоценный источник энергии (Тан Жосинь).

АВГУСТ

Археология сегодня. Прошлое на службе будущего (О. Одак). Тайны, раскрытые наукой (Т. Хакенс). Великий храм в центре Мехико (Э. М. Моктесума). Бактрийский город Тахти-Сангин (Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян). Мохенджо-Даро (С. А. Накви).

СЕНТЯБРЬ

Эпосы народов мира. Живой голос фольклора (П. Зумтор). «Калевала» (Л. Хонко). «Сообщение о Мячоакане» (Ж. М. Г. Ле Клезио). Слово о «Слове» (И. И. Шкляревский). Великий Чака (М. Кунене). «Хэйкэ-моногатари» (Р. Сиффер). «Махабхарата» (Л. Бхаттачарья). Тибетская «Гэсэрида» (М. Хелффер). Легенда о любви Хир и Ранжхи (Х. М. Саид).

ОКТАБРЬ

Мигранты. Рабочие-мигранты: тенденции и проблемы. Задачи школы (Ж. Виньо). Международные миграции и ЮНЕСКО (Р. Дж. Паррис). Между двух культур: Франция (А. Буамиди); ФРГ (Г. Апитш и Н. Диттмар); Великобритания (Р. Майлз); Северная Америка (Э. П. Мейнгот); Страны Персидского залива (Э. Лонгенесс); Скандинавия (К. Светланд). Психология рабочих мигрантов (А. Васкес). Обратный билет (Э. Томас и К. В. де Венден).

НОЯБРЬ

ЮНЕСКО 1945. В стремлении к идеалу (Г. Брабин). Предшественники ЮНЕСКО. «Жизнь разума». Конференция в Сан-Франциско. Англия, 1945 год (Э. Бригс). Как наука пришла в ЮНЕСКО. Первые шаги (Дж. Хаксли). В духе мира (А. Мак-Лиш). Где быть ЮНЕСКО?

ДЕКАБРЬ

Виктор Гюго. Современник вечности (Ж. Годон). Жизнь и творчество Виктора Гюго, 1802 — 1885 (Э. Блюер). Писатель и его время (В. Бромберг). Африканские премьеры (Ж. Тэфани). В зеркале сердца (Р. Шар). Жан Вальжан мировой литературы (Е. А. Евтушенко). В гостях у Гюго (Р. Дарно).

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО» на русском языке с 1957 года осуществляется орденом Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» [Москва] по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

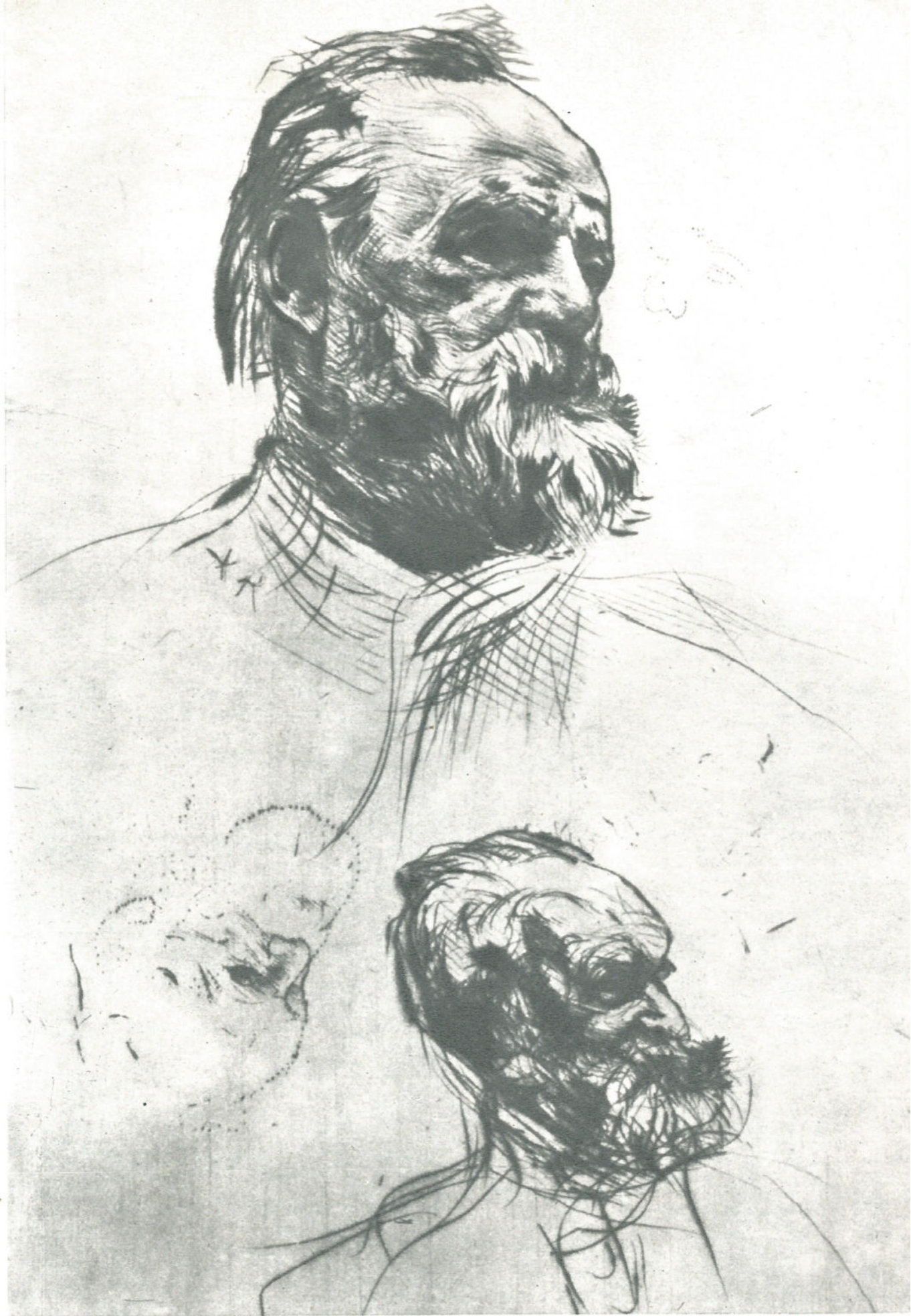
При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи и фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Заместитель главного редактора
Ольга Родель
Ответственный секретарь
Джиллиан Уиткомб

Помощники главного редактора:

русский яз.: Николай Кузнецов (Париж)
английский яз.: Говард Брабин (Париж)
Рой Мэлкин
французский яз.: Алан Левэж (Париж)
Надаэль-Хазен
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)
Хорхе Энрике Адоум
арабский яз.: Сейед Осман (Париж)
немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
японский яз.: Сэитиро Кодзима (Токио)
итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)
язык хинди: Раджмани Тивари (Дели)
язык тамиль: М. Мохаммад Мустафа (Мадрас)
язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
персидский яз.: Хосейн Резманджу (Тегеран)
голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Мефра Илгазер (Стамбул)
язык урду: Хаким Мохаммад Саид (Карачи)

каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марти (Барселона)
малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)
корейский яз.: Пак Сен-Гиль (Сеул)
язык суахили: Домино Рутаэбесиба (Дар-эс-Салам)
македонский, сербско-хорватский, словенский, хорватско-сербский языки: Витомир Сударски (Белград)
китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)
болгарский яз.: Горан Готев (София)
греческий яз.: Николас Палагеоргиу (Афины)
сингальский яз.: С. Дж. Суманасекера Банда (Коломбо)
финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
шведский яз.: Ингер Роби (Стокгольм)
баскский яз.: Гуруц Ларраньяга (Сан-Себастьян)
тайский яз.: Савитри Сувансатхит (Бангкок)
издания шрифтом Брайля: Ф. Поттер (Париж)
Документация: Кристанн Буше
Иллюстрации: Арнен Бейли
Оформление: Жорж Серва
Реклама: Фернандо Аниса
Специальные проекты: Пегги Джулиен

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17, т.: 247-18-40

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 2591
Цветная вкладка отпечатана во Франции

Цена 70 коп. 70458